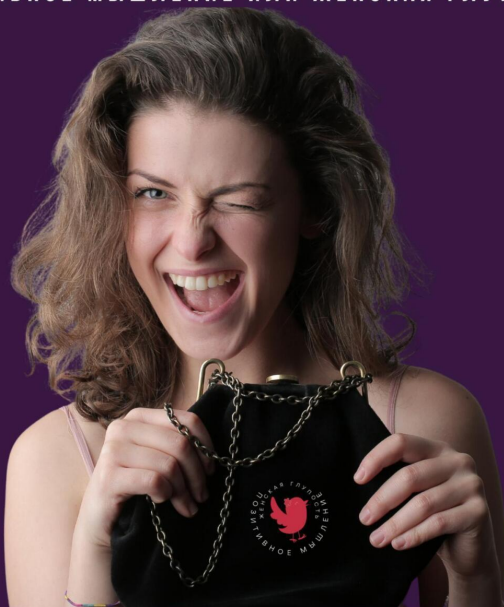

ИРОНИЧЕСКИЙ ДЕТЕКТИВ

ПОЗИТИВНОЕ МЫШЛЕНИЕ ИЛИ ЖЕНСКАЯ ГЛУПОСТЬ

НИЧЕГО СЕБЕ

КНИГА ПЕРВАЯ

ПОШУТИЛА

ТАТЬЯНА КАЗАКОВА

18+

Татьяна Казакова

Ничего себе пошутила

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=64325206

SelfPub; 2023

Аннотация

"Так я дура?! Куриные мозги?!" – мстительно думала Птичка, кипя негодованием, когда поняла, что ее просто использовали. Она обладала легким, веселым характером и была совершенно не мстительна. Но это событие жутко ее разозлило и напугало одновременно. Кому понравится, когда за тобой охотятся, да к тому же происходят убийства? Ничего, о выведет их на чистую воду. А с моими верными подругами мы пройдем сквозь огонь, воду, и под марш медных труб. «Ничего себе пошутила» – первая книга в серии иронических детективов «Позитивное мышление или женская глупость». Приготовьтесь к увлекательному приключению вместе с Светочкой Птичкиной и её подругами. Автор Татьяна Казакова создает непревзойденное сочетание интриги, юмора и ярких женских персонажей, которые увлекут вас с первой страницы и не отпустят до самого финала. Серия книг: Ничего себе пошутила Чем черт не шутит Выстрел по фотографии Украшение для женщины Опасное сходство Преступление раскрыто, а теперь стриптиз Отдых с приключением

Татьяна Казакова

Ничего себе пошутила

Книга первая

Серия ироничных детективов

«Позитивное мышление или женская глупость»

– Что это!? – Грозно прозвучало прямо над ухом. От неожиданности я вздрогнула и обернулась. Прямо надо мной навис какой-то незнакомый мужик. Правда, работаю я здесь всего третий день и, естественно, всех могу не знать. Он тыкал пальцем в компьютер и рычал

– Я спрашиваю, что это!? –

Я перевела взгляд на экран. Интересно, что его так возмутило? Вроде ошибок нет, все правильно. Ну, и чего он разорался, напугал до смерти.

– Что вы написали!? –

– Уважаемая Элгуджа Георгиевна, – громко прочитала я.

– Георгиевна!?

– Ну да. Что тут такого?

– Почему в женском роде?

– А в каком же? – Возмутилась я. – Не думаете же вы, что это мужчина?

– Я в этом уверен, – мрачно заметил он

– Извините, но вы ошибаетесь.

– Нет, не ошибаюсь, – он покраснел, и видно было, что еле сдерживается.

– Это женщина, и я ее знаю, – добавила я с апломбом. Конечно, я не знала никакой женщины Элгуджи, но совершенно уверена в своей правоте. Не могут же мужчину назвать таким дурацким именем, а для женщины даже очень экзотично. Кстати, в оригинале тоже была ошибка, пусть спасибо скажут, что я во время ее заметила. Мужик вдруг налился краской и стал похож на арбуз, конечно, изнутри, а глаза так страшно выпучил, что я подумала, а не случилась ли с ним вдруг «базедка». Он несколько раз открыл рот, но ничего не сказал, только желваки заходили ходуном.

– Это я, – выдавил он, наконец

На всякий случай я согласно кивнула, хотя и не поняла, что он имел в виду.

– Это я Элгуджа Георгиевич.

Вот так влипла. И кто меня за язык тянул говорить, что я ее знаю. Мужик с дурацким именем стал так орать, что из кабинета выскочил мой начальник и, узнав, в чем дело, тут же присоединился к оскорбленному Элгудже.

Вдосталь наоравшись, указал мне на дверь. Я вела себя достойно – спокойно внимала этим крикам. Убедившись, что спасти ситуацию не удастся, и под аккомпанемент их воплей быстренько собрала свои манатки и ушла.

Ну, вот, всегда так. Только я обрадовалась новой работе – и нате вам, здрасьте. Нет, ну надо же называть детей такими нелепыми именами, одни называют, а другие страдают из-за этого. Вот, черт, и кружку Наташкину забыла, которую та подарила мне на 8 Марта в прошлом году. Ладно, мир не перевернулся, ничего страшного не произошло, значит не стоит забивать себе этим голову. Ха, ха

Но сразу выбросить из головы не получалось. Обидно, вроде работа приличная, зато мне не успели ненужными записями испортить трудовую книжку, в общем-то, у меня и книжки трудовой еще нет. Потому что мне не везет с работой. Это уже которое место по счету? ...Вроде четвертое. Да, точно, четвертое. И совсем не потому, что у меня нет образования, неуживчивый характер или большие запросы. Во-все не поэтому. Просто мне фатально не везет.

Я ожидала, что, окончив институт, меня забросают выгодными предложениями. Но, не тут-то было. Ожидала я все лето, кстати, весьма дождливое, даже не загорела совсем, а осенью я решила найти себе работу сама. Почему-то наниматели не впадали в радостный экстаз оттого, что я решила предложить им свои услуги, им нужны были специалисты со стажем не меньше двух лет, и даже знание английского не помогло. Они все хотели девушек от 22 лет с высшим образованием и опытом работы не меньше двух лет. Но как это может быть? Ведь люди только в 22 – 23 года оканчивают институт. Короче по специальности меня не брали, я толь-

ко что пережила личную драму, по этой причине на мужчин не смотрела, зато они смотрели на меня во все глаза и оказывали всевозможные знаки внимания. Ну что ж, пожалуй-ста, смотрите не здоровье, не жалко. Внешностью меня бог не обидел, я была вполне ею довольна.

Просматривая объявления, поняла, что самый простой вариант – это работа секретаря. Так я и сделала. Взяли меня, как говорится, с первой попытки. Очень я понравилась директору пивной компании Аликперу Наргиевичу Наргиеву. В первый же день, когда я вошла в кабинет с чаем на подносе, он внезапно погладил меня по заднице. От неожиданности я дернулась и пролила чай прямо на его бумаги. Оказалось, что это какой-то там важный устав, который с большими трудностями только что подписали. Естественно, на второй день я уже не вышла на работу. У меня началась депрессия. Опять же личная драма не забывалась. Мамусик советовала читать Карнеги. Если честно, она уже давно меня достает этим Карнеги, но мне было не до него.

Мои верные подружки пытались меня развлечь, но только по выходным, а по будням они были заняты на работе. Наташка работала продавцом в ювелирном магазине, а Лариска трудилась в банке аудитором. Конечно, будь у меня деньги, меня не надо было бы развлекать, я бы сама развлекалась на всю катушку, но с деньгами была проблема, и сидеть одной дома было тоскливо.

Я опять накупила газет по трудоустройству и опять кро-

ме секретаря ничего подходящего не нашла. «Ну, теперь уж, дудки», – думала я, – «буду сама выбирать себе начальника». И выбрала. Бывший военный, старый и очень строгий. Когда я пришла в джинсах, сделал замечание, сказав, что девушки в штанах не ходят. На следующий день я пришла в юбке, но, увидев ее, он прямо дар речи потерял, а, придя в себя, заявил – Это вам не стриптиз-бар. Чтоб я этого больше не видел.

Из оставшихся нарядов у меня оставались две юбки, не доходившие до колен и три пары брюк. В общем, я решила, что проще уйти с работы, чем менять свой гардероб. Хорошо, что газеты не выкинула. На этот раз мне предложили работать секретарем в фирме, занимавшейся ремонтом квартир. Кроме секретарских обязанностей я должна была узнавать, где дешевле можно приобрести плитку, сантехнику, обои, клей, линолеум, и все, что нужно для ремонта. Я с энтузиазмом принялась за дело, но в первый же день что-то напутала и поняла, что ремонт – это не мое призвание. Директор орал, как сумасшедший. Вечером я со слезами на глазах жаловалась на него Наташке.

– Знаешь что, нечего хныкать. Наберись терпения, – поучала она. – Сколько можно менять работу? Подумаешь, директор наорал! Да на меня каждый день директор орет плюс покупатели. А мне хоть бы хны.

– Ну, не знаю, как тебе это удастся

– Очень просто. Как только он начинает орать, я тихо так говорю: «Терпенья тебе, добрый человек». Он сразу затыка-

ется.

– Не может быть, – засомневалась я, но на всякий случай взяла на вооружение.

На следующий день мне представился случай применить ее совет на практике. Я отправила на один объект почему-то два унитаза вместо одного, а на другой – три биде. Правда, сомневалась, зачем в одной квартире три биде. Но подумала, мало ли у людей какие фантазии. Хотят три биде – пожалуйста, получите. Спорить с клиентом – гиблое дело. Клиенты как раз промолчали, а директор Господи! Чего только я не услышала, причем в очень грубой форме. Уже собираясь зарыдать, вспомнила Наташкин совет. Что там говорить-то надо? То ли «мир тебе, добрый человек», то ли «покой». Чего ж он так орет-то? Прямо сосредоточиться невозможно. Да, вроде про покой надо говорить, чтобы успокоился. Ага, вспомнила. Я наклонилась к нему, сделала умильную рожу и проникновенно сказала

– Вечный покой тебе, добрый человек.

Эффект превзошел ожидания, он заткнулся буквально на полуслове, и через пятнадцать минут я бодро шагала на автобусную остановку, предусмотрительно забрав свою чашку. «Ничего страшного, – подбадривала я себя, – на этой работе свет клином не сошелся». И действительно, меня взяли секретарем в какую-то аграрную фирму с очень длинным названием, которое я не могла запомнить и, как оказалось, запоминать было ни к чему, потому что именно там мне по-

пался мужчина с дурацким именем Элгуджа, которому почему-то не понравилось, что его приняли за женщину. А вечером неожиданно позвонил папа, и, узнав о моих проблемах, обещал помочь.

«Вот стою я перед вами, словно голенький», – некстати вспомнились слова Высоцкого. А может быть, как раз и кста-ти. Я стояла посреди отдела дизайна и рекламы и чувствовала себя очень неуверенно, в то время как Игорь Моисеевич (папин знакомый), представлял меня сотрудникам отдела.

Игоря Моисеевича я плохо помню, он когда-то давно приходил к нам в гости, это еще когда родители жили вместе, и у нас была семья. По его рассказам, коллектив, где предстояло трудиться, был молодой и дружный. Меня это воодушевило и обрадовало. И еще обрадовало, что фирма «Аргус», занимавшаяся полиграфией, находилась в самом центре, на Страстном бульваре. Но сейчас, когда я стояла посередине, выставив себя на обозрение этому молодому и «дружному» коллективу, радость моя несколько поубавилась.

Несколько минут меня разглядывали, как музейный экспонат, потом демонстративно повернулись к компьютерам, выражая спинами протест и пренебрежение. «Кажется, мне тут не рады», – уныло подумала я. Только один парень все пялился и нагло ухмылялся. «Наверное, местный Дон Жуан», – подумала я, глядя на его красивую физиономию и самоуверенный вид. Игорь Моисеевич поручил меня своему

заместителю Маргарите Аркадьевне и удалился. Мне сразу захотелось тихо смыться вслед за ним, как будто меня здесь и не было, но Марго, как я про себя ее назвала, уже показала мне стол с компьютером и сказала, в какой программе надо работать. Даже не удосужилась спросить, чем я занималась прежде и что умею

– Если что-то непонятно, спрашивайте у меня, – говорила она, кивая своей красиво подстриженной головой. Интересно, сколько ей лет? Думаю, лет 50. Жгучая брюнетка. Немного полновата, лицо и руки ухоженные. Костюмчик на ней отпадный нежно-абрикосового цвета. Вся она была элегантна и говорила красиво, кстати, о чем? Кажется, я немного отвлеклась.

– Коллеги с радостью вам помогут. А к Игорю Моисеевичу с мелочевкой лучше не бегать, – она посмотрела на меня выжидающе. Я так поняла «не жаловаться», и с пониманием кивнула.

Марго с чувством выполненного долга, с достоинством королевы, проплыла на свое место, которое, как и подобает месту руководителя, находилось у окна, лицом ко всем. Я села за указанный стол и огляделась. Рядом со мной сидела светловолосая девушка, которая с некоторым высокомерием окинула меня взглядом, приподняв выщипанные бровки и поджав и без того тонкие губки. Вроде симпатичная, но в то же время неприятная. Встретившись с ней взглядом, я изобразила дружелюбную улыбку и спросила, как ее зовут.

– Елена – дизайнер, – официально представилась она, «Футы, ну ты, дизайнер. Можно подумать здесь еще водопроводчики работают».

– Андрей, – слегка приподнялся красавчик, который так нахально меня разглядывал.

– Светлана, – кивнула я в ответ.

Спина Елены при этом странно выгнулась. Я перевела взгляд на другого парня, который сидел через проход от меня. Он был совсем не Ален Делон, но приветливой улыбкой сразу располагал к себе.

– Паша, – улыбнулся он и тут же уткнулся в компьютер. С остальными двумя девушками я не решилась знакомиться, так как их спины не шелохнулись. «Ну и, пожалуйста».

Приплыла Маргарита. Надо же, какая у нее походка, скользкая какая-то, про нее не скажешь: пришлепала, подвалила или даже просто подошла. Именно приплыла. Она дала мне работу. Набор текста для брошюры. Фактически работа машинистки. Нудно и скучно. Сложность только в том, чтобы правильно оставить место для рисунков. Печатаю я хорошо, практически вслепую, так что работала быстро. Заметив, что я закончила, Марго проверила и дала набирать другой текст для следующей брошюры. «Могла бы и похвалить. Или хвалить здесь не принято?».

Выйдя покурить, познакомилась с двумя девчонками из сувенирного отдела, Катей и Люсенькой и немного потрепалась с ними, но вышел их строгий руководитель Георгий

Александрович, и они быстро вернулись в отдел.

Через несколько дней я затосковала, обижаясь на коллег. Какое свинство, поручать такую примитивную работу. Я, между прочим, молодой специалист с высшим образованием. Окончила полиграфический институт, правда, поступила туда не по тому, что мечтала об этом всю жизнь, а потому, что он был ближе всех от дома. Правда, еще ближе была Тимирязевская академия, но сельское хозяйство не привлекало меня в принципе.

В перерывах между брошюрами я сама себе придумывала задания, то есть, рисовала логотипы к проспектам, которые печатала. «Чтобы не потерять мастерство». Дней через десять выдали зарплату, стало веселей, жаль, что деньги быстро кончились. Мамусик звонила каждый день, на ее вопросы отвечала, что все отлично, не признаваясь, как все тошно, и она радовалась, что наконец-то мне повезло. Любимые подруги, Наташка и Лариска, слушая мои жалобы, старались меня взбодрить. Говорили, что сразу не бывает хорошо, что надо немного потерпеть.

– Просто тебя еще как следует не узнали, а когда поймут, какая ты замечательная, сразу зауважают и полюбят. –

Но дни шли, а все оставалось по-прежнему. Две девушки, которые в первый день не удостоили меня вниманием, постоянно вели разговоры об искусстве. Меня прямо тошнило от этих разговоров. И к тому же тоска смертная. Не то, чтобы я не любила искусство, а просто противно было, как эти две

воображали что-то там строят из себя. Галина делилась впечатлениями о театрах, которые регулярно посещала. Марина, захлеб рассказывала о выставках, на которые постоянно таскалась, а Елена вообще залепила, что обожает Шнитке. Вот уж пусть кому-нибудь еще заливает. «Шниткину музыку» любить нельзя. Ее и слушать-то невозможно. Господи! Куда я попала? Несколько раз я попыталась принять участие в разговоре, но так напрягала челюсти, чтобы подавить зевоту, что решила больше ими не рисковать, они мне еще понадобятся.

Тон задавала Галина, она была постарше меня на несколько лет, но выглядела старообразно. Вроде и тряпки модные покупала, но все какие-то серенькие и темненькие, говорила придушенным голосом, все время вздыхала. Ну, прямо молодая старушка. Но работала она хорошо. Маргарита постоянно ее хвалила и обращалась к ней ласково приторно «Галюльчик» Я прямо слышать это не могла. Уси-пуси. Тьфу! «Гальюнчик», как я окрестила ее, дружила с Мариной. Та ходила, высоко задрав голову, вся негнущаяся, как аршин проглотила, но одевалась она классно. Вещи на ней были красивые и очень дорогие. Макеты она делала так себе, мне специально не показывали, но иногда удавалось посмотреть.

Все женщины смотрели в рот красавчику Андрею. Он занимался рекламой, постоянно висел на телефоне или был в разъездах. Говорили, что заказчиков он находит очень выгодных и руководство его ценит. Мне он сразу начал ока-

зывать знаки внимания, называл Птичкой, из-за фамилии Птичкина, чем вызывал неудовольствие и неприязнь ко мне со стороны женщин.

Больше всех злобствовала Ленка. В присутствии Андрея всегда подковыривала меня. Если у меня возникал вопрос по работе, закатывала глаза и возмущалась – Ну уж этого не знать! – И все время подчеркивала, что я ничем не интересуюсь или говорю разные глупости. Глупостями она считала анекдоты, которые я рассказывала, чтоб развеселить народ или пересказывала американские комедии.

Самый к дизайнер был Паша. Он вообще был хороший парень, только общался с нами мало, вечно весь в компьютере, никого не замечал вокруг. Марго относилась ко мне с предубеждением и без конца делала замечания. Я ни с кем не спорила, была на редкость покладистой, старалась всех развеселить, скромно одевалась и глазки никому не строила. Хотя, кому строить-то? В общем, уволиться хотелось каждый день, и это было бы самым простым, но я решила не сдаваться.

Как-то Игорь Моисеевич зашел к нам в отдел и сказал, что Андрей нашел очень выгодного солидного клиента. Это директор открывающегося банка. Всю полиграфию делаем мы.

– Начинать надо с фирменного знака, логотипа, – Обратился он к нам. – Вот я и предлагаю вам поработать над этим,

не в ущерб основной работе, конечно. В понедельник покажем макеты заказчику, пусть сам решает, с кем ему в дальнейшем работать. Ну, а для вас это будет своеобразный конкурс. Лучший будет поощрен премией. Согласны?

Все дружно закивали и стали выяснять размеры премии. В это время позвонили из приемной, и шеф быстро вышел. Через полчаса он опять у нас появился и обратился ко мне

– Лана, – назвал он меня так же, как и мамусик, – мне надо срочно отъехать в типографию, а ко мне уже выехал очень важный чиновник. Посиди у меня в приемной и развлеки его разговором, у тебя это хорошо получается. В общем, удержи его до меня. Да, там у меня в комнате отдыха кофеварка новая, угости его кофе. – За спиной стали шушукаться. «Так, симпатии среди коллег мне это явно не прибавит».

– А где Ольга Дмитриевна? – встрепелась Марго.

– У нее внук заболел, она отпросилась. –

– Давайте я помогу кофе сварить, боюсь, Светлана не справится с аппаратом. –

– Ну, если вы свободны, пожалуйста, – и вышел.

В приемной я разложила свои бумаги и стала придумывать логотип, рисуя его на бумаге. Марго тут же подплыла и сунула нос.

– Я думаю, вам это ни к чему. Это касается только дизайнеров. –

– Я ведь тоже дизайнер, – возразила я строптиво.

– Вы только числитесь им, а пока выполняете самую при-

митивную работу

– Но вы же не даете мне ничего другого, – обида захлестнула меня.

– Мы не можем рисковать. У нас определенные сроки, солидные заказчики. Представляете, что будет, если Вы завалите заказ? Учитесь пока у более опытных дизайнеров. -

– Ага, они мне с радостью помогут, – пробормотала я себе под нос, продолжая с упорством идиотки рисовать.

В это время прибыл ожидаемый чиновник с эскортом. Эскорту он приказал оставаться в холле, а сам напрямиком направился в кабинет. Я еле его перехватила. С милой улыбкой, (надеюсь, что она была мила, потому что при виде эскорта, меня слегка перекосило), я стала извиняться за отсутствие шефа, мотивируя тем, что он попал в пробку.

– Но я постараюсь Вас развлечь, – добавила неуверенно. По-моему эта идея ему не очень понравилась, и он недовольно посмотрел на часы.

– Как вас зовут? – удостоил меня взглядом.

– Светлана, – сказала я в ответ. «Ну и как, интересно, я буду его развлекать, он и смотреть-то на меня не хочет».

– Зарубин Вадим Сергеевич, – представился он и окинул меня высокомерным взглядом, ожидая, что от этого сообщения я завизжу от счастья, но его имя мне ни о чем таком не говорило, поэтому я лишь широко улыбнулась. Зубы у меня хорошие, могу себе это позволить.

Тут подплыла Маргарита, усадила его в самое большое и

неудобное кресло, защebetала, засмеялась каким-то эротическим смехом, и вообще, я бы сказала, кокетничала. Пока Марго там перед ним распиналась, я тихо смылась в комнату отдыха, чтобы сварить кофе.

– Светлана! Почему Вы бросили его одного? Это неприлично. –

– Маргарита Аркадьевна, у Вас лучше получается развлекать его. Может, я здесь побуду и кофе сварю? – С надеждой спросила я, совершенно не представляя, о чем с ним говорить.

– Игорь Моисеевич поручил Вам, – с некоторым злорадством ответила Марго, и мне пришлось вернуться в приемную.

Важный чиновник сидел в кресле как-то боком и зачем-то дергал молнию на чехле. Заметив меня, как-то напрягся, а потом расслабился и развалился как прежде. Чего это он дергается? Может, в туалет захотел? Интересно, если намекнуть ему, где находится туалет, это будет прилично? Но, на всякий случай, про туалет я промолчала, а просто интеллигентно предложила ему кофе. Он милостиво согласился. Что хорошего в этом напитке, понять не могу. Все считают своим долгом пить кофе, а если скажешь, что не любишь этот напиток, смотрят на тебя с жалостью и чуть-чуть с превосходством, вроде, что с вас плебеев взять.

Я вздохнула. Ну, что ж развлекать, так развлекать. Начала культурно о погоде, он поддержал. Когда тема иссякла, пере-

шла на спорт. Он сразу же стал ругать наших футболистов, я вежливо поддакивала, а потом он стал говорить о политике, наверное, что-то умное, я в политике не разбираюсь. Эта тема его так увлекла, что он долго и нудно о чем-то распылился, а я, еле сдерживая зевоту, думала – «Почему мне так не везет. Должна сидеть тут и слушать с умным видом всю эту хрень. Что это он так уставился на меня?» Посетитель замолчал и смотрел на меня, слегка наклонив голову вперед и, видимо, ожидая ответа. Собрав в кулак волю, и не давая зевоте одержать верх, я важно произнесла

– Вы очень точно это заметили. – «Вот так, одной фразой». Но чиновник продолжал выжидающе смотреть на меня. «Господи! Ну чего еще ему надо? Видимо ждет каких-то комментариев. Что он там нудил про президентов? Так, так, так. Быстро встряхнуться и вспомнить что-то из жизни наших руководителей. О! Кажется, вспомнила».

– Да, президенты иногда совершают такие необдуманные поступки. Вот Хрущев-то, какой дурак был, взял и отдал Аляску американцам, – и сделала значительное лицо. Посетитель открыл рот и с удивлением разглядывал меня. «Ну вот, хорошо, что вспомнила, а то подумает еще, что я дура какая-то».

– Как тут моя помощница, развлекала Вас? – спросил Игорь Моисеевич, появляясь в дверях.

– Она сразила меня наповал, – усмехнулся чиновник и прошел вслед за ним в кабинет.

Я сияла и была чрезвычайно довольна собой. Марго с кофе проплыла в кабинет, а когда она вышла в приемную, то просветила меня насчет Аляски, возмущаясь моему невежеству.

– Конечно, Вы же ничем не интересуетесь, кроме дурацких комедий. Чего от Вас можно ждать? – И, самое ужасное, рассказала обо всем в отделе. Все очень смеялись и несколько дней подкалывали меня этой Аляской, будь она неладна. Я же просто так про нее ввернула, чтоб разговор поддержать.

Вечером ко мне зашла Наташка Афанасьева или Афоня, как ее называли в школе. Жуткая фантазерка, обожала всякие страшные истории, любила приврать, «это, чтобы приукрасить», как она выражалась. Маленького роста, с длинными темными волосами и светлыми глазами. Еще у нее были хорошенькие ямочки, когда улыбалась, а улыбалась она всегда, даже когда рассказывала свои страшилки.

Другая моя подруга Лариска Пчелкина, естественно, «Пчела», была полной ей противоположностью. Спокойна и рассудительна, ненавидела вранье и часто уличала в этом Наташку. Но та, хоть и побаивалась Пчелу, в таких случаях, не теряясь, говорила. – Красиво не соврать – историю не рассказать. – Лариска была высокой, сероглазой, русые волосы крупными завитками спускались на плечи. У нее была большая грудь, которой мы с Наташкой страшно завидовали с класса восьмого. Активно хрустели капустой, но все было

без толку. А года через два мы перестали жрать капусту, довольствуясь своими размерами.

Сразу после института Лариска вышла замуж. В начале мы горевали, что потеряли подругу, но Витька часто уезжал, вернее, улетал в командировки, он был вторым пилотом на ТУ-154, и мы продолжали встречаться на Ларискиной кухне. Почему-то она нам очень полюбилась. Живем мы в одном доме, дружим с детства, учились в школе напротив, в одном классе. Ходили вместе в походы, в компании, вообще были неразлучны. В школе нас звали «Три девицы под окном». Иногда, завидев одну из нас, все равно говорили – «Вон, тридевицы пошла». Но чаще, конечно по прозвищам. Но вот странное дело, после школы все прозвища куда-то пропали кроме моего. Меня все равно продолжали называть Птичка.

Когда вечером после работы я позвонила Наташке и попросила зайти, она тут же нарисовалась. Выслушав мои жалобы на коллег, неожиданно изрекла

– Они правы! – Вот тебе раз! Это вместо сочувствия и поддержки.

– Смотри, что получается, – продолжала она, – Галыунчик регулярно ходит в театры, другая рассказывает про вернисажи, Ленка ваша обожает классическую музыку...

– Она врет! – вставила я.

– Да пускай они все врут, а ты сходи на выставку на Крымский вал. Придешь на работу и так небрежно ввернешь «А я

вчера на выставке Шмалевича была».

– Не Шмалевича, а Малевича, – поправила я.

– Ну вот видишь, ты его знаешь. Иди прямо завтра после работы, а потом зайди к Лариске, Витька в командировке.

«Вот приду домой и пристукну, Наташку, – мстительно думала я, уныло разглядывая скучные пейзажи. На входе было написано, что это выставка какого-то модернизма. Ну и где он? На стенах обычные картины. Наверное, это не здесь. Точно, народ толпился в другом зале. Подойдя ближе, я увидела непонятные конструкции из железок, проволоки, банок и разного мусора. Я наклонилась, чтобы прочитать, как это называется.

– Очень интересная композиция, Вы не находите? -

– Тоже мне композиция – это хлам какой-то, – пробурчала тихо, но, обернувшись, увидела интересного парня в очках, весьма интеллигентного вида, такие очень нравились моей маме.

– Да, оригинальное решение, – я решила не ударить в грязь лицом и строила из себя интеллектуалку.

– Меня зову Денис, – и посмотрел, ожидая, что я тоже назову свое имя. Не стану его разочаровывать.

– А я Лана. – Вообще-то я Светлана, но мамусик называет меня Ланой, говоря, что так звучит куда интересней. Я поняла, что понравилась ему, он мне тоже.

– Давай, завтра сходим куда-нибудь, – предложил он.

Я напряглась, не дай Бог еще какая-нибудь выставка или консерватория, но оказалось, у него билеты в «Современник». Вздохнув с облегчением, что это не какая-нибудь тягомотина, я с радостью согласилась. Мы договорились встретиться вечером у театра и простились. Настроение было прекрасное, даже забыла, что хотела придушить Наташку. Когда я пришла к Лариске, они обе сидели на кухне и были задумчивы.

– Вы что, против меня сейчас дружили? – Я с подозрением покосилась на них, и, повернувшись к Наташке, добавила ехидно

– Жаль, что ты не пошла со мной, насладились бы живописью. – Наташка обиженно заморгала.

– Ладно, проехали. Я познакомилась там с парнем. Очень интеллигентный, зовут Денис, и завтра мы идем в «Современник», – выпалила я одним духом. Девчонки встрепенулись. Это было мое первое свидание после личной драмы.

– В чем ты пойдешь? – Лениво поинтересовалась Лариска.

– Я знаю, знаю! – Тут же встряла Наташка. – Надень зелененькую водолазку.

– Да, ну, – протянула Лариска, – она в ней запарится. Сейчас, хоть и весна, но жара стоит июньская. –

– Зато она так хорошо все подчеркивает, и в то же время скромная, соответствует образу интеллигентной девушки. Тебе надо войти в образ, – добавила она наставительно.

– Между прочим, если человек интеллигентный, он и без

одежды остается им, – возразила Лариска, сидя в трусах и в лифчике.

– Надень бежевые брючки и золотистую маечку, помнишь, которую тебе отец из Израиля прислал, – вспомнила Наташка. – А у Лариски возьми светлую сумку, как раз под твои новые туфли. Будешь выглядеть очень клево. И не забудь, мы будем тебя ждать. Придешь после спектакля и все расскажешь. – Глаза у нее загорелись, а нос будто заострился от любопытства.

– Это же поздно будет, – возразила я.

– Ничего, мы подождем. И потом, сейчас рано заканчиваются спектакли. –

– Но он наверняка пойдет меня провожать, может, целоваться будем. –

– Ты что, с ума сошла?! – завопила Наташку. – Ты же в образе. Ты – интеллектуалка, они не целуются в первый день. Правда, Ларис? – Лариска только плечами повела. Я не стала выяснять, на который день целуются интеллектуалки, взяла у Лариски сумку и пошла к себе на 12 этаж.

Следующий день начался прекрасно. Я выпалась по случаю субботы. Обследовав внимательно свое личико в зеркале, не обнаружив ни одного прыщика или еще какого-нибудь украшения, осталась довольна своей внешностью и стала думать позитивно. Думать позитивно меня приучила мамусик. Она всегда находила что-то хорошее в любых ситуациях. Даже, когда отец ушел к ее лучшей подруге, тете Рае Куперман,

она, погоревав ровно один день, больше над коварством тети Раи, чем над предательством отца, очень оптимистично заявила

– Знаешь, это даже хорошо, что он ушел. Не надо будет делать морковные котлетки, протирать овощи, носиться после работы по магазинам. Я буду просто свободная Кармен.

Через некоторое время отец с коварной тетей Раей уехали в Израиль. Он оставил маме деньги. Мамуля, недолго думая, купила себе однокомнатную квартиру на Дмитровском шоссе, а мне оставила эту двухкомнатную, сказав, «Тебе еще замуж выходить». Кавалеров у меня было много, но замуж никто не звал. Наташка по этому поводу говорила – «Жениться никто не просит, но поговорить-то со мной можно».

Ого! Время уже два часа, пора делать макияж. Главное не переборщить, а то меня иногда заносит. Как раз испытаю новую тушь. Вот это объем! Немного склеились, ничего сейчас щеточкой расклею. Нет, все расклеить не получилось, но это не страшно, и если подумать позитивно, то получилось очень выразительно. А губы подкрашу бледненькой помадой. Что-то не то, надо поярче. Черт! Куда она подевалась? У меня точно где-то такая была. Ой! Уже пять часов! Ничего, у меня еще полно времени. Девчонки, молодцы, не звонят, понимая важность момента. Ага, вот и помада нашлась. Почему-то лежит на кухне около раковины. Наверное, выбросить ее хотела, но что-то меня отвлекло. Хорошо, что не выбросила. Теперь надо одеться. Брюки сидят отлично, правда, спереди

как-то не так, живот вылез. Встав на весы, обнаружила лишние два килограмма. Интересно, почему лишние килограммы всегда вылезают не там, где надо. Маечка живот прикрыла, теперь причесаться и вперед. В зеркале на меня смотрела кареглазая блондинка, очень красивая. Это я.

Небрежно повесив сумку на плечо, вспомнила, что еще в тапочках. Где же туфли? Туфли нашлись только через десять минут, они лежали в коробке на кресле. Посмотрела на себя еще раз в зеркало – просто супер, и помчалась, сломя голову. По дороге успокаивала себя, думая позитивно. Это не страшно, что я опоздаю на несколько минут, девушке положено опаздывать. Зато не надо толкаться в гардеробе, хотя какой гардероб, такая теплынь, давно все раздетые ходят. С другой стороны, в гардеробе надо взять бинокль и обязательно посетить буфет. Нет! В буфет нельзя, у меня лишний вес. Но театр без буфета – удовольствие не полное, и потом я даже не пообедала, а есть уже захотелось.

Опоздала я всего на 20 минут. Денис стоял с кислой миной. Я прощebetала извинение, он вздохнул и улыбнулся, а потом начались сплошные разочарования. Во-первых, он не взял бинокль, делая вид, что не понимает моих намеков, в буфет мы опоздали, в зале начал гаснуть свет. Мы заняли свои места. Перед моим носом оказалась мужская макушка, розово просвечивая сквозь волосы, перекинутые от одного уха до другого. Люся, мамина сестра, называет такую прическу «жопа в кустах». Очень образно и точно.

Я стала вертеться, наклоняясь то в одну сторону, то в другую. Сзади сделали замечание. Фыркнув в ответ, выразительно посмотрела на Дениса, ожидая, что он предложит поменяться местами. Но он делал вид, что увлечен действием. Настроение катастрофически падало. Я старательно прислушивалась к тому, что происходило на сцене, но артисты, как назло, находились там, где сидела эта «жопа». Провертев все первое действие шеей, так и не поняла, в чем там дело. Наконец занавес опустился, и все порысили в буфет, я тоже поднялась, но Денис предложил остаться «просто поговорить». «Похоже, жлоб», – стало тоскливо. Да, не везет, так не везет. В это время мое внимание привлек очень импозантный мужчина. Он шел по проходу, рассеянно глядя по сторонам. Я незаметно скосила глаза в его сторону, и что-то в нем показалось знакомым. Может, артист?

– Ты меня слушаешь? – прервал мои размышления Денис.

– Конечно, – кивнула в ответ.

– А вот эта, – он показал на толстую тетку, – в манере Кустодиева. – Я непонимающе заморгала.

– Ну, Кустодиев, он же обожает такой типаж. –

– А это кто? – рассеянно спросила я.

– Кто? –

– Ну, Кустодиев, твой знакомый, что ли? – Но, увидев его презрительную ухмылку, поняла, что зря спросила.

– Ты что, не знаешь, кто такой Кустодиев? Не знать Ку-

стодиева? – Похоже, он оскорбился в лучших чувствах. Подумаешь, какой знаток! Он еще о чем-то там распинался, но меня уже прорвало

– Ах, Кустодиев, ах, Кустодиев! Ну не знаю я, кто он такой, ну и что?! – понесло меня. На нас стали оглядываться. Мужчина в проходе тоже посмотрел в мою сторону и так резко остановился, что шедшая позади женщина с разбегу налетела на него. Они расшаркались в извинениях, и он вышел.

– Все! С меня хватит! – Схватив сумку, я понеслась к выходу, слегка помешкав в дверях, в надежде, что он бросится за мной. Чуда не произошло, и мне осталось только гордо вскинуть голову и уйти.

Вылетев на улицу, стала метаться перед входом, соображая, куда идти. Ну и черт с тобой! Тоже мне интеллигент хренов! Жлоб несчастный! Без тебя обойдусь. Даже в буфет не пошел, чтобы не тратиться. Жмотина! Я была такая злая, что не заметила сразу, как начал моросить дождь. А зонта, конечно, не было, денег на такси тоже, туфли новые жалко, и ни одной позитивной мысли в голове. Так обидно стало, я так ждала этого вечера, предвкушала тридцать три удовольствия, а вышло ... Я вытирала слезы, когда вдруг услышала:

– Что же вы без зонта? – Обернувшись, увидела мужчину из театра. Он держал надо мной зонт, предоставив дождю поливать свой необыкновенно-красивый костюм.

– Ой, Давайте вместе под зонт встанем. -

– Нет, лучше мы сядем в машину. Пошли! – Взял меня за

руку и быстро потащил к стоянке. У него оказалась огромная машина, черная и некрасивая, похожая на катафалк. Мне, как кинозвезде, открыли дверцу. Я элегантно закинула ножку, а когда вторую оторвала от земли, с нее слетела туфля и шлепнулась в лужу под машину. «Надо же, туфельку потеряла, как Золушка» – подумала я, но у моего спутника, видимо, были другие ассоциации. Он, чертыхнувшись, полез за туфлей, швырнул в салон и с силой захлопнул дверцу. «Подумаешь! Какие страсти! И чего злиться, я ему, между прочим, не навязывалась». Защищало глаза.

– Ой-ей-ей! Мама! Мне в глаза что-то попало! Ничего не вижу! – Рядом послышалось фырканье, подозрительно напоминавшее смех.

– Что это? Что со мной? Помогите! –

– По-моему, это тушь, – спокойно заметил он.

– Какая тушь? – не поняла я.

– Ну, тушь для ресниц. -

– Точно. Дайте, пожалуйста, платок. –

– Мой? –

– Ну не мой же. Тем более, у меня его как бы и нет. –

Он завоzilся и сунул мне в руку аккуратно сложенный платок. Я лихорадочно стала тереть глаза, нашарив в сумке косметичку, там была пудреница. «Господи! Я похожа на шахтера. И лицо, и руки – все было черным от туши. Вроде, и мазнула-то ей всего несколько раз. А прическа? Похожа на увядший букет.

Я слюнявила платок и пыталась стереть тушь, чувствуя себя при этом крайне неудобно. Мужчина не обращал на меня внимания, но все равно, как-то неловко. Быстро посмотрев на него, я призадумалась. Лицо было знакомо. Может он живет в нашем доме? Нет, такой страшной машины у нас во дворе не было. Значит не сосед. Чего ради, он посадил меня в машину? Наверное, я ему понравилась. А вдруг это маньяк? Нет, на маньяка не похож. Собственно, откуда мне знать, я еще маньяка не встречала. Тьфу, тьфу, тьфу. Черт, ведь знакомая рожа! Не могу вспомнить, хоть убей. Кстати, а куда это он меня везет? Я заерзала.

– Куда вас отвезти, Светлана? – будто услышал он.

– Домой, конечно. – Выходит, знакомый, раз знает мое имя. Мысли мои прервало громкое урчание в животе. Только бы не услышал.

– Э, может, музыку послушаем? – Он молча включил радио. В животе заурчало еще громче. Хоть сквозь землю провалиться. Под глазами грязь, нос красный, на голове мочалка, нога без туфли. Куда он ее закинул, интересно? Я стала шарить ногой под сиденьем, потом наклонилась и стала искать рукой. Ага, вот она. Надела с трудом. Фу, так противно, как будто босиком в слякоть влезла. Мы повернули в переулок и остановились у китайского ресторана.

– Я предлагаю немного подкрепиться, раз уж не сложилось с театром. Как вы относитесь к китайской кухне? –

– Хорошо отношусь. Правда, ничего китайского до сих

пор попробовать не удалось. А вы? –

– А я люблю китайскую кухню, поэтому и предложил. Это хороший ресторан, небольшой и очень уютный. Я думаю, вам понравится. Кстати, если вы забыли, разрешите представиться – Вадим Сергеевич. – Ооо! Только не это. Я вспомнила.

Это тот важняк, перед которым все прыгали у нас в конторе, а я так опозорилась с Аляской. Так, глубокий вдох, думать позитивно. Позор я уже пережила, спектакль не посмотрела, Денис оказался жадным и противным, но, главное, есть хочется ужасно. В общем, терять мне нечего, тем более что в ресторан последние два года никто не приглашал, кроме Люси. Но это не в счет, потому что там были одни родственники. Одет я прилично, все остальное можно поправить в туалете. Настроение улучшилось.

– Ну что же, можно попробовать китайскую кухню, – милостиво согласилась я. Элегантный выход из машины тоже не удался. Едва ступив на асфальт, мокрый каблук как-то хрустнул и подломился. Но чтоб так не везло! Я впала в ступор. Вадим Сергеевич захохотал.

– Вы надо мной смеетесь? – Мне захотелось плакать.

– Нет, что вы? Над ситуацией, – и протянул мне руку. Кое-как я доковыляла до входа. Дверь перед нами распахнул настоящий китаец, а может не китаец, но очень похож, и, кланяясь, пригласил внутрь. Я из вежливости тоже поклонилась, но зацепилась уцелевшим каблуком за коврик. Нелепо

замахав руками, пытаюсь сохранить равновесие, все-таки не удержалась и рыбкой пролетела вперед. Слезы, как горох посыпались из глаз. Какой позор! Сегодня явно не мой день.

– Подождите! Не поднимайте! – завопила я, когда меня бросились поднимать.

– Почему не поднимать? – наклонился Вадим Сергеевич.

– А вдруг я что-нибудь сломала. Надо в начале проверить, – и я стала ощупывать себя, – вроде все цело. – С трудом поднялась, поинтересовалась, где туалет и похромала туда. Бросив взгляд в зеркало, поняла, что все не так страшно. Страшно, конечно, но не все. Остатки туши смылись с трудом. Не наврали, тушь оказалась хорошая – водостойкая. Волосы расчесала и высушила, неудобно изогнувшись под сушкой для рук. Теперь подумаю, что делать с каблуком. Прибить его все равно не смогу, значит, надо оторвать второй. Оп-ля! Легко! Все. Я готова. Вадим Сергеевич ожидал меня в вестибюле. Что же мне так и называть его по имени отчеству или можно Вадик, а может Вадя? Фу! Вадя мне не нравится, а Вадик, у меня язык не повернется так его называть. Мужчина он, безусловно, интересный, правда, старый, лет, наверное, сорок пять. Темноволосый, голубые глаза, легкий загар. Стоп! Люся всегда говорит – «Не верьте мужчинам с голубыми глазами».

– О! Вы просто красавица! Кстати, почему Игорь Моисеевич называл Вас Ланой -

– Это от Светланы. Вам не нравится? -

– Да нет, просто мне кажется Света лучше. Можно я буду называть вас Света? – Боже мой, какие церемонии.

– Да называйте, как хотите. А мне вас как называть, по имени отчеству? –

– Нет, конечно. Я представился полным именем, чтобы вы меня вспомнили, я же видел, как вы мучаетесь. Ну, пойдемте, есть ужасно хочется, я занял столик и уже все заказал.

Мы прошли через небольшой зал, (мне показалось, там столы все были заняты) и оказались в другом, совсем маленьком – всего несколько столиков. За одним сидели две девушки, которые при виде моего спутника, как-то сразу подобрались, сделали значительные лица и с таким вниманием слушали друг друга, как будто ожидали услышать прогноз погоды. Мне на них, в общем-то, наплевать, но раз я хочу получить от этого вечера хоть какое-то удовольствие, будет неприятно, если мой спутник будет таращиться на них вместо того, чтобы ухаживать за мной.

– Пожалуй, сяду вот здесь, – и плюхнулась на стул, не дождавшись, когда мне его пододвинут, лицом к девицам. Вадим Сергеевич, неловко потоптавшись, сел напротив. Подошла официантка, наряженная китайяной, с типичной славянской внешностью и нарисованными стрелками от глаз и до висков, что должно было подчеркнуть ее китайское происхождение. Добавила к лежавшим приборам запечатанные палочки и стала заставлять наш стол разными блюдами.

– Я заказал китайское сливовое вино. Вы не возражаете?

Или что-нибудь покрепче? –

– Нет-нет, я с удовольствием выпью китайское сливовое. Я его пробовала один раз в гостях. Мне очень понравилось, только досталось мало, его быстро выпили. А на бутылке почему-то было написано «сделано в Германии», а не в Китае.

– Его изготавливают многие страны, в том числе и Испания, Япония, но самое вкусное – китайское. Он налил себе чуть-чуть, а мне полный бокал.

– Ну что, на брудершафт? –

– В каком смысле? – насторожилась я. Целоваться, что ли полезет?

– В смысле перейдем на «ты». Согласна? –

– Давай. – Он слегка пригубил, а я выпила все сразу. Так вкусно, я даже зажмурилась. Отпад! Вадим распечатал палочки и стал ловко ими орудовать. Я попробовала тоже. Осторожно взяла маленький кусочек, донесла до рта и даже удалось подхватить его губами. Вроде вкусно, но непонятно, очень крошечный кусочек. Пожалуй, повторю. А теперь палочки никак не хотели подчиняться, цеплялись друг за друга, сразу напомнив лыжи, когда я на них каталась. О-па! Зацепила. Теперь, донести бы без потерь. Я открыла рот, но непослушные палочки скользнули и кусок, как пуля пролетел в сторону Вадима. Он быстро нагнулся, а кусочек шмякнулся на спину одной из девушек и медленно сполз по спине, оставляя на светлой кофте оранжевую дорожку.

– Не оборачивайся, – попросила я, низко опустив голо-

ву, – может, не заметит. – Девушка вздрогнула и посмотрела на потолок. Ничего там не обнаружив, снова уткнулась в тарелку. Я с облегчением перевела дыхание.

– Пожалуй, перейду на традиционные приборы. –

– С тобой не соскучишься, – пробормотал Вадим.

– Да уж, – согласилась я, схватила вилку и быстро стала наворачивать. Ну, вот, теперь другое дело. Наконец удалось распробовать эти маленькие кусочки. Это была тушеная свинина с овощами в кисло-сладком соусе. Грибы мне не понравились, маленькие тефтельки вроде ничего, а пельмени были бесподобные. Интересно, а что там в мисочке болтается? Случайно подняв голову, встретила с голубыми глазами. Они были прищурены и насмешливо смотрели на меня. Что тут веселого? Просто я проголодалась, неужели не понятно.

– Давай еще выпьем, – я подняла бокал. – А десерт будет? –

– Конечно. Но, может, ты не наелась, еще что-нибудь заказать?

– Нет-нет, спасибо, – скромно ответила я. Вообще-то мне давно хотелось попробовать утку по-пекински, которую каждый день рекламируют на «Эхе Москвы», и еще лягушек. Можно было бы так небрежно вернуть на работе «Вчера в китайском ресторане лягушек ела», вот бы морда у Ленки вытянулась. Ничего, расскажу про выставку, только забыла, как она называлась, зато запомнила название спектакля «Стена». Жаль, что не поняла, в чем там дело. Кстати, надо

выяснить, кто такой Кустодиев.

– Ты знаешь Кустодиева? –

– Какого? – растерялся Вадим.

– Их что, несколько? –

– Если ты имеешь в виду художника, то да, я его знаю. –

– Ну и как он? –

– Что как? Как он выглядел, не знаю, но купчих на его полотнах помню хорошо. –

– Послушай, как противно чей-то телефон пищит. – Вадим достал свой мобильник.

– Вообще, если прислушаться, то хороший звоночек, – попыталась я исправить положение. Он слушал кого-то там в трубке и не обращал на меня внимания.

– Никуда я не пропал, – У Вадима сделалось злое лицо, – все будет, как всегда, не волнуйся.

Надо мне тоже включить телефон, я как культурный человек в театре его отключила. Не успела я нажать на кнопку, как он зазвонил, вернее заиграл. Бесподобное, зажигательное танго. Так бы и слушала, но долго слушать нельзя, а то абоненты начинают нервничать, лишая возможности окружающих насладиться мелодией. Вот и сейчас.

– Ты почему трубку не берешь?! Мы с Лариской все на нервах. Когда приедешь? –

– Десерт съем и приеду. –

– Какой десерт? Ты же вроде в театре? –

– Не совсем, – загадочно произнесла я.

– Понятно, – протянула Наташка, переваривая услышанное. – Вообще ничего не понятно. Ладно, потом все расскажешь, мы тебя ждем. Пока. –

– Родители беспокоятся? – поинтересовался Вадим.

– Нет, это подруга. –

– А ты одна живешь или с родителями? –

Этот вопрос меня всегда настораживает. Только заикнешься, что живешь одна, сразу начнут напрашиваться в гости. Когда я еще училась в институте, сдури как-то ляпнула, что квартира свободна, так зачастили гости, что не знала, куда от них деваться. Все решалось без меня, просто говорили «Пошли к Птичкиной». Пришлось придумывать дальних родственников, которые у меня надолго поселились. А мужчин приглашать домой вообще не в моих правилах. И честно, я еще не поняла, нравится он мне или нет. Внешне интересный, ничего не скажешь, но голубые глаза. Правда, у Мэла Гибсона тоже голубые глаза, а живет он пока со своей женой, и, вообще, примерный семьянин. Но что-то мне в нем не нравится, наверное, это снисходительно-покровительственный тон, как-то раздражает.

– Света, я могу попросить тебя кое о чем? – Прервал мои размышления Вадим.

– Пожалуйста, – вежливо ответила я. Интересно, о чем?

– Я должен уехать на некоторое время, а вот это хотел бы оставить у тебя, – с этими словами он вытащил из кармана плоскую коробочку.

– Это что? Дискета? –

– Да. Ну, так как, возьмешь? –

– Пожалуйста, – пожала я плечами.

– Только очень прошу, никому не говорить об этом, и вообще обо мне. –

– Да ради бога. – «Тоже мне тайны Мадридского двора. Кому ты нужен?». Я взяла коробочку и небрежно бросила ее в сумку.

– Светочка, только не потеряй, пожалуйста. Это очень важно для меня. –

– Хорошо-хорошо, не волнуйся. Все будет о'кей, – рассеяно сказала я, так как внимание было приковано к столу, на котором, наконец-то, появился десерт. Это было мороженое, почему-то одно, а пирожных целых пять.

– Э, кому так много пирожных? –

– Тебе, конечно. –

– А мороженое? –

– Тоже тебе. Я не хочу ничего сладкого. –

– Можно, я мороженое съем, а пирожные с собой возьму, подружек порадуя? –

– Да, я сейчас попрошу. – Он подозвал официантку, расплатился и попросил упаковать пирожные, добавив к ним еще пять. Здорово! Не жадный – это хорошо.

– Ты что, всегда ходишь с открытой сумкой? – спросил он, когда мы подошли к машине.

– Что там брать-то? – Удивилась я. – Ах, да, дискета. Она

что, такая ценная? -

– Да, очень, – серьезно ответил он.

Мы молча сели в машину

– Где ты живешь?

– На Соломенной сторожке. –

– Господи! Где это? За городом? – Видимо перспектива дальней поездки его не прельщала.

– Это не так далеко, в районе «Динамо», я покажу. –

В дороге я задремала и заснула бы окончательно, если бы он меня не будил вопросами, куда ехать. В машине было тепло и уютно, а на улице поливал дождь. У нас во дворе было совсем темно, фонари, как всегда, не горели. Вылезать не хотелось, я расслабилась и думала, что вечер, пожалуй, удался. Вадим симпатичный, не жадный, ухаживает красиво. Ну вот, теперь последует прощальный поцелуй, я уже в предвкушении. Но вместо этого он вдруг с силой наклонил мою голову вниз и рванул с места.

– Пригнись! –

– Ты что?! – Заорала я, подняв голову.

В это время, разбив боковое стекло, мимо моего носа что-то просвистело.

– Что это было? – Я недоуменно завертела головой. Сзади послышался треск, и посыпались стекла.

– Да пригнись ты, твою мать! –

– Во-первых, я не люблю, когда ругаются матом, во-вторых, куда ты несешься, там тупик, и, в-третьих, почему это

в нас бросают камнями? –

– Говори быстро, как отсюда выехать?! – Закричал он, не обращая внимания на мои вопросы.

– Не кричи. Поверни сейчас налево, прижмись ближе к дому, там есть дыра в ограждении. – Вадим стал выруливать

– А теперь мимо пятиэтажек. Ну, вот. Справа Тимирязевский лес, слева – Соломенная Сторожка. – Мы остановились.

– Что же это за безобразие, камнями кидаться! У нас раньше никогда такого не было, – внезапно у меня мелькнула мысль, от которой я даже поперхнулась. – А вдруг это не камни были, а? – Испуганно спросила я.

– Вот именно. –

– Что именно? –

– Не камни, а пули. В нас стреляли. – «Вот так номер, Наташка обзавидуется».

– А кто в нас стрелял? –

– Пока не знаю. Света, тебя может кто-нибудь встретить? Я не смогу тебя проводить.

– Да уж. Я сейчас Наташке позвоню. Она как раз Дейла выводит гулять. –

– Дейл – это собака? –

– Это огромный дог. Выглядит устрашающе. – Заиграло мое чудное танго.

– У тебя совесть есть? – набросилась Наташка. – Я должна уже Дейла выводить, он весь обскулился. –

– Ну и вывела бы. –

– Да, а ты в это время пришла бы к Лариске, и все интересное я бы пропустила. –

– Наташ, ты не могла бы меня встретить. Я здесь, на Вучетича, прямо напротив школы стою. Заодно и с Дейлом прогуляешься. –

– А что? Что-нибудь случилось? – С явным интересом спросила она. Пока я думала, что ответить, она затарахтела

– Что-то голос у тебя малорадостный. Ты подожди буквально минуточку, уже бегу. Дейл, гулять! – И отключилась.

– Света, дай, пожалуйста, свои номера телефонов, мобильного и городского.. Извини, что так получилось. – Вадим наклонился ко мне и поцеловал очень нежно. Я замерла, потом очнулась и прошептала

– Мне пора-

– Будь осторожна. –

Я быстро вышла из машины.

– Ой, а пирожные? – обернулась я, схватила коробку и побежала к дому.

Навстречу несся Дейл, бурно выражая радость своим хвостом.

– Что случилось? – подбежала Наташка.

– Кажется, я влипла.

– Забеременела? Так вроде ты ни с кем не встречалась, – удивилась она.

– Сегодня, между прочим, я встретила сразу с двумя, – возразила я.

– И что? Уже беременна? – Ехидничала Наташка. – Что ты мне голову морочишь? Ну, давай, рассказывай, – торопила меня.

– Подожди, я сама ничего не соображаю. Ты около подъезда ничего подозрительного не видела? –

– Видела подозрительную рожу Марьи Степановны. Она чуть из окна не вывалилась, все высматривала чего-то, и слышала, как звонила кому-то.

– Может в милицию? – Предположила я.

– Зачем? – У Наташки даже глаза округлились.

– Стрельбу услышала и стала звонить.

– Какую стрельбу? – Совсем обалдела она.

Прежде, чем ответить, я покрутила головой во все стороны, наклонилась к ней и прошептала

– Афоня, в нас стреляли, прямо около подъезда.

– Мама! – Завопила Наташка, поморгала и спросила

– А в кого это в вас? –

– Нас, это я и Вадим.

– Ты же говорила Денис? – прищурилась она.

– Денис тоже был, только в начале. – У Наташки рот открылся от удивления.

– Ну и дела, – только и сказала она, взяла меня под руку и продолжала очень деловито.

– Так, быстро поднимаемся к Лариске, и ты нам все подробно расскажешь. Дейлик, домой! – Но Дейлик домой не торопился. Мы спрятались от дождя под козырьком подъезда

и ждали, когда он сделает свои дела. Марья Степановна, как всегда на боевом посту, прямо свесилась из окна.

– Девчонки, вы чевой-то так поздно?

– С Дейлом гуляем. –

– Светочка, а ты откуда появилась, тебя с Наташенькой не было, когда она выходила? –

– Я в театре была Марья Степановна. Вот попросила Наташу встретить, а то страшно одной идти, фонари не горят. –

– Правильно, что попросила. Тут такие дела творятся, аж жуть. Подъехала здоровенная машина, вся черная такая страшная. Я еще подумала, кто-то к нам приехал на такой громадине? И тут как застрекотало, как из пулемета, пальба началась, стекла в машине повышибало. Она, как дернет, взвизгнула даже, а за ней маленькая такая, немного проехала и сразу развернулась в другую сторону. Я в милицию, конечно, позвонила, а они мне «Меньше сериалов смотрите». Представляете? Смотри-ка, чевой-то Дейл приволок? Тряпку, что ли какую? – Наташка наклонилась над Дейлом и, применив отвлекающий маневр («Дейл, апорт!») швырнула в сторону палку. Дейл бросился за ней. Я наклонилась и подняла замусоленную кожаную перчатку. Дейл вернулся с палкой в зубах, очень радостно виляя хвостом. Увидев у меня свою добычу, он подпрыгнул и попытался ее выхватить, но Наташка крепко взяла его за ошейник и повела в подъезд. Я прошмыгнула за ней мимо бдительной бабульки. В лифте Наташка сунула мне в руки перчатку, прошептав

– Может, это улика. Я сейчас лапы собачке помою и поднимусь. Смотри, без меня не рассказывай. Я быстро. –

И действительно, не успела я войти к Лариске и снять свои многострадальные туфли, как Наташка была уже тут.

Мы сидели на кухне и пили чай с пирожными. Девчонки внимательно слушали меня. Наташка, затаив дыхание, смотрела мне в рот и ловила каждое слово и, как я и думала, жутко переживала, что это приключилось не с ней. Когда я закончила свое повествование, Лариска строго сказала

– Какая ты балда! На фиг ты брала эту дискету? Тебе что, неприятностей не хватает? -

– Да брось ты, Ларис, – вступилась Наташка, – ну подержит ее несколько дней у себя. Всего и делов-то. Зато, представляешь, какое приключение, – при этом она мечтательно закатила глаза.

– Две дуры, – констатировала Пчела. – А про какую улику вы говорили?

– Да какая там улика, так ерунда, – отмахнулась я, – Дейлик притащил из кустов перчатку, а Наташка придумала – улика.

– Ничего я не придумала, – оживилась Наташка, схватила перчатку, валявшуюся на тумбочке в коридоре, и сунула ее Лариске под нос. – Вот, смотри. Та глубокомысленно уставилась на перчатку, мы молча ждали.

– Так, – наконец, произнесла Лариска, – перчатка кожаная, черная. –

– Это мы заметили, – ехидно сказала «Афоня». Лариска недовольно взглянула на нее, я со своей стороны толкнула в бок, чтобы заткнулась. Лариска продолжала молча смотреть на перчатку.

– Пчеда, а Пчеда, дай мне меда, – прогундосила Наташка и прыснула. Я, не выдержав, заржала во весь голос, в конце концов, Лариска присоединилась к нам. Мы хохотали с всхлипыванием и подвыванием, пока не услышали стук по батарее. Это соседка сверху не выдержала и колошматила изо всех сил. Грохот стоял по всему дому.

– Вот припадочная, пока всех не перебудит, не успокоится. – Пошли ко мне, – предложила я. – Улику заberi – Лариска посмотрела на часы.

– Между прочим, сейчас два часа ночи. Давайте отложим на завтра. –

– Конечно, в тебя не стреляли. А как я спать буду, а? –

– Хочешь, оставайся у меня, – предложила Лариска.

– А если мамулька позвонит? Нет уж, пойду лучше к себе. –

– Ты дверь забаррикадируй креслом и еще чем-нибудь, сотовый положи рядом. В случае чего звони в милицию 02.

– Спасибо, у меня еще память не отшибло –

– Ну, пошли, завтра вес обсудим, – Наташка открыла дверь и ждала.

– Ладно, пойду рисковать своей жизнью, – вздохнула я.

Мы разошлись по квартирам, и как не странно, проспала

я всю ночь, как убитая, правда, дверь забаррикадировала и телефон положила рядом.

Разбудило меня танго. Так бы и слушала.

– Хватит спать! – заорала трубка Наташкиным голосом.

– А что случилось? – зевнула я.

– Это у тебя случилось, и может случиться что-нибудь еще. Короче, умывайся, морду ничем не мажь и ничего не ешь. –

– Что ты еще придумала? –

– Мы будем обсуждать вчерашние события. –

– А не есть-то почему? –

– Потому что заодно мы будем Женщинами. –

– Это как? –

– Мы будем очищаться, делать маски и все такое. Сбор у Лариски через полчаса. – Очень хорошо, еще можно поспать. Только я задремала, опять звонок. На этот раз – городской. Пришлось встать.

– Ланочка! Где ты была вчера? Я весь вечер тебе звонила. У меня такие новости. – Мамулька была в радостном возбуждении и ожидала вопросов, которыми я немедленно ее засыпала.

– Что ты говоришь? Какие? Расскажи все подробно! – С этими словами я пошла в ванную. Пристроив телефон на полочку, чистила зубы и, иногда вставляла что-то вроде «да, ага, угу, ой, как интересно». Мамулька все говорила, я умы-

лась, оделась и собралась уходить, не зная, как ее прервать. Вдруг в трубке прозвучало «замуж, Раймонда». Что за черт? Какая Раймонда? Откуда она взялась? Выходит, это про нее мамуля вещала полчаса. Если спрошу, кто такая, мамусик обидится, поймет, что я не слушала. Можно и не спрашивать, но все, что связано с замужеством, любопытно каждой девушке, и я начала осторожно выяснять, в чем там суть.

– Я не поняла, мамуль, за кого замуж? –

– За мексиканца. –

– Господи, где она его выкопала? –

– Кто? –

– Ну, эта, Раймонда. –

– Боже мой, ты все перепутала, это я выхожу замуж! –

– Тогда другое дело. А она, значит, не выходит? –

– Кто? –

– Раймонда! –

– Раймондо – это он! – Мамуля повысила голос.

– Не надо нервничать, – примирительно сказала я, – известно, что Раймонда – это женское имя. Есть даже такой балет, помнишь, на котором я заснула. –

– Раймонда – это женское имя, а РоймондО – мужское, – терпеливо объясняла мамуля.

– Хорошо-хорошо. А замуж-то кто выходит? – Ласково спросила я.

– Я! Понимаешь, я! – В ее голосе послышались истеричные нотки.

– Вот так номер! Откуда он взялся с таким экзотическим именем? –

– Из Мексики, конечно, – уже спокойно ответила она.

– А где ты с ним познакомилась? –

– На работе, где еще я могу познакомиться с мексиканцем.

– Так он, значит, мексиканец, – наконец дошло до меня.

Конечно, где еще она может познакомиться с мексиканцем, только на работе. Мамусик работает гидом-переводчиком и знает три языка: английский, португальский и испанский. Выглядит она прекрасно для своих лет, количество которых тщательно скрывает. Пожалуй, только ее сестра Люся, знает это точно, хотя порой сомневается, так удачно мамулька запудривает всем мозги.

В голове еще не уложилось ее сообщение, а она все говорила и говорила, остановить ее невозможно. Через некоторое время я просто вышла в коридор и позвонила в дверь долгим звонком. Теперь можно культурно сказать

– Ой! Извини, это слесарь пришел, у меня на кухне кран подтекает. Я перезвоню позже. Пока. – Не дождавшись ответа, повесила трубку. «Так, мобильный на всякий случай, возьму с собой и Ларискину сумку надо вернуть. Дискета пока на столе лежит. Да, а где эта чертова улика?» Улика валялась сморщенным комочком около входной двери. «Ее надо положить в пакет, улики всегда кладут в целлофановый пакет, аккуратно взяв пинцетом». Я пошарила глазами, как будто бы действительно ожидала увидеть у себя пинцет. Во-

общее он где-то был – это я точно знаю, так как время от времени выщипываю им брови, но сейчас искать его не стала, просто запихнула улику в карман и пошла к Лариске, по пути размышляя над этой историей с Раймондо.

В прошлый раз мамусик собралась замуж за Диего, из Испании. Мне он очень понравился, да и не только мне, всем нашим родственникам. Люся сказала, что в Испании хороший климат, ее дочь Нинка объяснила, как я могу применить там свои способности, потом задумалась и сказала, что свои она точно там применит, и стала учить испанский. Она такая целеустремленная, не то, что я. Мы все отлично спланировали, даже отпуска, кому, когда ехать, единственно, смущал возраст жениха. По нашим подсчетам он был моложе матери лет на пятнадцать. Когда они поехали подавать документы, он все-таки узнал, сколько ей лет и заторопился в Испанию. Обратно он уже не вернулся. Так грустно это кончилось. Надеюсь, на этот раз все будет по-другому. Правда, нельзя предсказать реакцию наших родственников на Мексику. Во-первых, это не Европа, ужасно далеко. Потом насчет климата надо обязательно выяснить, потому что многим противопоказана жара. Ладно, подумаю об этом позже.

Дверь открыла Наташка

– Улику принесла? – Первым делом спросила она. – Давай ее сюда, – и тут же понеслась на кухню. – Это тебе, – кивнула она на стакан, мы уже час назад выпили. Наташка была необыкновенно деловита.

– А что это? –

– Английская соль, очищает кишечник, только так. –

– Фу, это же гадость ужасная. –

– Ну и не пей, тебе же хуже. Мы будем все чистые изнутри, а у тебя прыщи будут вылезать из-за зашлакованности организма. – Зашлакованность организма как-то не прельщала, поэтому я лихо схватила стакан, залпом выпила и замерла, прислушиваясь к себе. Неужели я это выпила? Противная горько-соленая гадость застряла где-то на подходе к желудку и, похоже, пыталась вернуться обратно. Наташка смотрела на меня жалостно, потом зачерпнула ложкой варенье и запихнула мне в рот. Я сглотнула, и горошины слез посыпались из глаз.

– Ничего, сейчас пройдет, вот увидишь, – успокаивала она меня.

– Господи, для чего мы это делаем, а? – выдавила я, наконец.

– Для красоты, – мрачно изрекла Лариска, схватившись за живот.

– Да, да, да, – зачастила Наташка. – Мы сегодня будем Женщинами. Вот сейчас очистимся, и будем делать маски, увидите, какой получится волшебный результат

Лариска молча отодвинула ее от двери и рванула в туалет. Мы переглянулись и захихикали. Вдруг Наташка как-то скрючилась и тоненько пропищала – Ларис! Ты скоро? – В ответ тишина. – Ларис, хоть ответь, мне тоже туда надо! –

Опять тихо. Я засмеялась. Внезапно Наташка стала зеленеть, я испугалась и стала стучать в туалет.

– Лариса, открой, ради бога, ей действительно плохо. –

– Так ей и надо, – раздалось оттуда, но дверь все-таки открыла.

Наташка, сломя голову, бросилась к унитазу. А мы с Лариской сели на кухне покурить и подумать над моим вчерашним приключением. Жуткая резь в животе прервала мои размышления. Туалет был занят. Лариска опять схватилась за живот. Поняв, что своей очереди не дожусь, я, не говоря ни слова, выскочила вон и, как горная козочка, понеслась вверх по лестнице. Около мусоропровода чуть не снесла какую-то бабульку. – Оглашенная! – услышала вслед. Она что-то еще кричала, но я ничего не слышала, думая только об одном. Уф! Еле успела. Зато могу сидеть на своем унитазе, сколько хочу. Через некоторое время в животе все успокоилось, и я позвонила Лариске.

– Ну, как вы там? Все бегаєте? –

– Я отправила нашу «волшебницу» к себе домой, пусть сидит на своем толчке. Она уже два раза звонила, сказала «все в порядке», и я разрешила ей вернуться. А ты как? –

– Пока тихо, – я прислушалась к себе.

– Тогда приходи, может, пронесет.

– Опять пронесет? – возмутилась я.

– В том смысле, что обойдется. –

– Знаешь, я, пожалуй, еще немного дома побуду. – Пол-

часа прошли спокойно, и я вернулась к Лариске.

– А где кудесница наша? –

В ответ Лариска кивнула на туалет.

– Опять?! –

– Слушай, как будто печеной картошкой пахнет? –

– Скорее горелой. –

Лариска подскочила и выключила газ. – Вот зараза, еще и кастрюлю испортила. – Она вывалила на стол три картошки.

– Ничего, Ларис, кастрюля отмоется, а картошка подгорела только с одной стороны, даже вкуснее будет. –

– Не вздумайте ее есть! – закричала Наташка из туалета.

– А что с ней делать? Мы еще не завтракали по твоей милости. –

– Картошка на завтрак – это яд, – авторитетно заявила Наташка, выплывая на кухню. – Я заварила чай из трав, а из картошки сделаю маски. Ложитесь на диван, так и быть, поухаживаю за вами. –

Мы с Лариской завалились рядом на диван, она у стенки, а я с краю. Наташка подвинула журнальный столик, поставила на него все необходимое. Потом залепила нам лица мятой картошкой с молоком и закрыла сверху салфеткой. Сама пристроилась рядом в кресле. Мы лежали молча, каждая, думая о своем. Рядом завозила Лариска.

– Ты чего? – промычала я сквозь салфетку.

– Кажется, опять очищаться надо. –

– Опять, Ларис, да? – робко встряла Наташка.

– Я тебя удавлю, дай только очиститься, – пообещала Лариска, роняя по всей квартире ошметки от маски, и понеслась в туалет.

– Ну, чего она злится, я же только, как лучше хотела, чтобы мы сегодня были Женщинами, – жалобно скулила Наташка.

– Знаешь, может, ты и отлично придумала, но день у нас пропал. –

И действительно, мы до вечера носились в туалет, ругались, хохотали, а часов в пять начали плотоядно поглядывать на холодильник.

– Сейчас неплохо бы колбаской отравиться, – размечталась я.

– Может, макарон отварить, – нерешительно начала Лариска.

– Ну, уж нет. Зря мы, что ли мучались? Пейте травяной чай, – пресекла Наташка. – И вообще, на голодный желудок лучше думается. Вот вам улика, шевелите мозгами, – положила улику на стол и присела рядышком. Лариска опять воззрилась на нее, потом взяла в руки и зачем-то понюхала.

– Пахнет оружием. –

– Откуда ты знаешь, как оружие пахнет? –

– Сами понюхайте, вроде, чем-то горелым пахнет. – Мы дружно задвигали носами.

– Точно, горелым, – подтвердили мы.

– А перчатка-то женская, – вдруг сказала Наташка. –

Смотрите, какая маленькая и тоненькая. Ой! Там что-то лежит, – она залезла внутрь и с победным кличем извлекла кольцо.

– Оба-на. –

– Ну, это по моей части, – оживилась Наташка. – Значит так, кольцо современное, самый модный дизайн. В белом золоте синие сапфиры и два бриллианта по 0,25 карата.

– Похоже на бижутерию, – прервала ее Лариска.

– Сама ты бижутерия. Это настоящее золото и настоящие камни. Очень дорогое кольцо, между прочим. Привозное, но не турецкое. -

– А чье? –

– Откуда я знаю? Может, из Голландии или Эмиратов.

– Что же получается, стреляла женщина? – тупо спросила я

– Вполне может быть, – закивала головой Наташка и затараторила – Возможно, это его ревнивая жена. Выследила, чтобы убить и остаться молодой и богатой вдовой.

Я хотела возразить, но Наташка не дала мне рот открыть и продолжала тарыхтеть, все больше воодушевляясь.

– Ты же сама говорила, что у вас на работе все перед ним прыгали, даже Марго ваша. И машина у него огромная, да еще эскорт, телохранители разные. Сразу видно, человек богатый. Точно, стреляла жена. -

– Это еще выяснить надо, может, он вообще не женат, – флегматично заметила Лариска. – Он тебе говорил что-ни-

будь о себе? –

– Ничего он не говорил, а я и не спрашивала, мне не до того было. Настроение было паршивое, есть очень хотелось, и вообще, я даже не поняла, нравится он мне или нет.

– Теперь это не имеет никакого значения, – заявила Наташка. – В своих чувствах потом разберешься. Но, должна тебе сказать, что если ты еще не поняла, нравится он или нет, значит, не нравится, и нечего тут раздумывать. Правда, Ларис? –

– В этом ты абсолютно права, – согласилась та. Наташка удовлетворенно кивнула и обратилась ко мне

– Ну что? По домам? – Она стала открывать дверь и вдруг уставилась на меня.

– Птичка! Ты дискету хорошо спрятала? –

– Зачем? –

– Зачем? – Передразнила Наташка и, понизив голос, продолжала, – а затем, что за ней будут охотиться, опасность может подстергать тебя буквально за углом. –

– Да ну тебя, – отмахнулась я, хотя от этих слов неприятно похолодело в животе.

– Ларис, пусть кольцо у тебя пока полежит. Когда Вадим приедет, я покажу ему, может, он его узнает. Ну все, пошли, Наташ. И не смей меня больше пугать. –

Мы вышли на лестничную клетку. Свет не горел, лифт не работал.

– Давай я тебя провожу, – страшным шепотом предложи-

ла Наташка.

– Отстань, я не боюсь, иди к себе, – храбрилась я.

У самой же от Наташкиного шепота поджилки тряслись, пока поднималась по лестнице. Темень жуткая, только на лестничных пролетах немного отсвечивало от окон. Зря я строила из себя героиню, не надо было отпускать Наташку. С другой стороны, что же получается? Наташка ни черта не боится, а я трусиха? Ну, уж нет. Я не боюсь. Чего бояться-то? Просто темно. Вон, в этой квартире телевизор смотрят, а в этой ругаются, а за этой дверью ребенок плачет, и мать его успокаивает. Эти привычные звуки успокоили и вселили уверенность. Вот и мой этаж, последний. Я облегченно вздохнула и достала ключ. В это время от чердачной двери отделилось черная куча и стала надвигаться на меня. Я хотела уже заорать «Помогите», но вовремя вспомнила, что в подобных случаях это слово как раз не рекомендуют кричать. Господи, что же кричать-то?

– Ура!! – завопила я, что есть мочи. Снизу послышался топот. Я зажмурилась.

– Руки вверх! Всем оставаться на местах! – Кричала басом Наташка. Она кричала что-то еще, но от страха я не поняла.

– Девки, вы что, охренели? – спросила куча знакомым голосом. – Это я, Петька. –

– Немедленно прекратите безобразничать! – послышалось из квартиры напротив, – я сейчас милицию вызову! –

Мы, не сговариваясь, бросились вниз, спотыкаясь и на-

талкиваясь друг на друга. Остановились около Наташкиной двери и стали хохотать.

– Я-то чего за вами поперся? Тапочек, вот, потерял. В темноте теперь фиг найдешь, – басил Петька.

– А что ты там на лестнице делал? – подозрительно спросила я.

– Отец велел проверить чердачную дверь, бомжи ломать стали замки постоянно. А вы-то чего орали? –

– Чего-чего, испугались мы. Очень хорошо Петя, что ты нам встретился. Проводи Свету до двери. Хорошо? – попросила Наташка.

Петька был к ней равнодушен, все об этом знали. Конечно, он с большей охотой постоял бы с ней, но засопел и согласился. Мы опять пошли вверх. На десятом этаже он наткнулся на свой же тапочек. Пока я открывала дверь, Петька топтался рядом и что-то бубнил про слабонервных, которым лечиться давно пора. Не став уточнять, кого он имел в виду, я культурно его поблагодарила, и он потопал к себе на одиннадцатый, как раз под моей квартирой. Вспомнила, что мамульке не перезвонила, обидится, наверное. Ничего, завтра позвоню. Приготовила наряд, чтобы на работе все от зависти лопнули. Пока не забыла, надо спрятать дискету, а то она лежит на столе на самом видном месте. А может, не надо ее прятать. Вадим сказал – «Пусть пока у тебя побудет», он же не просил спрятать ее подальше. Куда бы ее деть?

Я стала оглядываться. В коридоре стенной шкаф. Нет, сю-

да нельзя, там очень много чего лежит, я потом не найду. В спальне тоже есть шкаф, уже не стенной, а из спального гарнитура. Каждый выходной хочу в нем разобраться, но почему-то не получается. Дальше кровать – это исключено, все знают, в кровать ничего нельзя прятать, а то будут сниться плохие сны. Вот в тумбочку можно, я выдвинула ящик. Что-то давно сюда не заглядывала. В нем было полно косметики, той, которая по какой-то причине не подошла, но еще могла бы пригодиться. Половину, конечно, можно выкинуть, но рука не поднимается. Вот интересно, что это такое розовенькое в баночке? Я открыла крышку, жуткая вонь ударила в нос. Фу! Что это? Какой-то гель, то ли для волос, то ли для рук. Ну, это смело могу выбросить. Больше здесь смотреть ничего не буду, лучше пойду в большую комнату. Два кресла и диван – не годятся, компьютерный стол. Так, посмотрим, что в нем творится. Хотя и так знаю – там – черти что. Дискеты валяются, как попало, здесь же видеокассеты и фотокарточки. Ну, что ж, значит, это самое подходящее место. Если я сама с трудом нахожу здесь нужную дискету, то уж другому это сделать будет очень сложно. Я швырнула дискету в общую кучу, а чтоб не очень отличалась, нарисовала на коробочке цветочек и смешную рожицу. С чувством выполненного долга, направилась в ванную и спать. Странно, весь день ничего не ела, а есть не хочется совершенно. Завтра я буду вся «светиться изнутри», во всяком случае, Наташка нам это обещала.

Утро началось немного не так, как я планировала. Во-первых, я проспала. Несмотря на предыдущие события и мои страхи, спала очень крепко и, конечно, будильник не слышала. Во-вторых, на юбке обнаружилось пятно, которое вчера не заметила. Пришлось надеть брюки, а к ним не подходила блузка, которая идеально сочеталась с юбкой. Ладно, надену темную маечку. Похоже, трупов, которые должны были лопнуть от зависти, сегодня не будет. Ничего, в другой раз обязательно лопнут. Так, теперь легкий макияж и все. Взглянув в зеркало, осталась довольна. Длинные светлые волосы, выразительные глаза, правда, румянец во всю щеку, никакой аристократической бледности в лице. Но, в общем, красива и стройна.

Прибежав в офис, столкнулась в холле с Андреем и Георгием Александровичем, последний спрятал в карман какую-то бумажку. Будто любовная записка. «Возможно, у них нетрадиционная отношения или, как там это называется», – подумала я и увидела Маргариту.

– Вы опять опоздали, Светлана –

– Всего на три минутки, – пробормотала я, – еще половины сотрудников нет. -

– Другие сотрудники работают отлично, не бегают ежеминутно курить и ежечасно не пьют кофе. –

Это была явная несправедливость, хотя бы потому, что кофе я не люблю, пью его крайне редко и обязательно с моло-

ком, со сливками, конечно, вкуснее. А курят у нас все. Выходят курить через каждые полчаса. Да, недаром говорят «понедельник – день тяжелый». Прямо с утра не задался. Сегодня все сдают работы Игорю Моисеевичу для Петровского. Конечно, у меня не лучший вариант, но хотелось бы узнать, чего я стою.

Включив компьютер, чтобы полюбоваться на свой логотип, почему-то не обнаружила его на месте. Я занервничала и стала искать в других файлах. Да что же это такое? Куда он подевался? Галыунчик с Мариной, что-то оживленно обсуждая, и не обращая на меня внимания, уже распечатывали логотипы, даже Ленка приготовила свой, Паша еще вчера отдал. Ну, где же мой? Стало обидно и жалко себя. И общаться со мной не хотят. Что я им сделала? Захотелось плакать. Нет, надо взять себя в руки. Попробую подумать позитивно, но не успела сосредоточиться, как Марго объявила

– Кто не распечатал, побыстрее заканчивайте, я отнесу директору. В одиннадцать должен приехать представитель банка, а Игорь Моисеевич сам хотел перед встречей посмотреть.

Вскоре все работы лежали у нее на столе, все четыре, кроме моей. Свой логотип я так и не нашла. Поняв, что это безнадежно, выдвинула ящик. В последний раз свои рисунки я положила в хорошенькую желтенькую папочку и убрала ее в этот ящик. Но папки там не оказалось. Тогда я стала выдвигать все ящики подряд, производя этим изрядный шум. Но все было бесполезно. Рисунки исчезли. «Ну, что ж? Нет,

значит, и не было», – я с силой грохнула последним ящиком. Марго недовольно посмотрела. Нет, определенно, понедельник не мой день. Лишь бы не заплакать. Подумаю о хорошем. Что у меня хорошего? В субботу в нас стреляли. Это плохое. Всегда плохое почему-то лезет в голову. Хорошее, хорошее. В воскресенье мы очищались. Ну, вот, это уже лучше, были веселые моменты, я даже улыбнулась, но тут опять Марго:

– Звонил Игорь Моисеевич, представитель не придет, пришлет вместо себя водителя или курьера с документами. Директор наш не станет его ждать, уедет в типографию. Да, Светлана, Вы посидите сегодня в приемной. Захватите этот текст для рекламного буклета. Наберете на компьютере, что в приемной, чтобы время даром не терять. – Я молча подошла к ее столу, взяла бумаги и направилась к двери.

– Не подходите к кофеварке, – услышала наставление Марго. Я обернулась и возразила

– А если посетитель захочет кофе? –

– Кто? Водитель или курьер? Не смешите. Совершенно необязательно угощать эту публику кофе, – категорично заявила Маргарита.

Я вышла, сильно хлопнув дверью, представив, как Марго возмущенно шипит мне вслед. «Выходит, водители и курьеры не та публика им кофе не положен. Что же они не люди? Как же, как же» – бубнила я себе под нос, направляясь в приемную. В холле опять о чем-то шептались Андрей и Георгий Александрович. Увидев меня, как-то засуетились и быстро

разошлись. Да плевать мне на ваши тайны, у меня своих проблем хватает. А все-таки интересно, что у них за секреты?

– «Ну, вот, и хорошее началось», – думала я, устраиваясь в приемной. «Просто замечательно, не буду видеть их рожи». Я стала быстро набирать текст, но негативные мысли так и лезли в голову. Зачем украли мой логотип и папку с рисунками? Просто так, из вредности? Или испугались, что у меня лучше других получилось? Это смешно. И так всем ясно, что лучше всех работа Паши. Но все зависит от заказчика. Может у него какое-то свое представление. Я слышала, как Паша убеждал тут одного телевизионщика, что на маленьком приглашении нельзя давать много текста, да еще и картинку в придачу. Говорил, что и текст не будет читаться и картинка не смотреться, но тот уперся рогом, и пришлось делать, как сказал заказчик. В результате получилось полная ерунда и пришлось переделывать, правда, за счет заказчика. Я с клиентами не работала, и вообще меня всерьез не принимали. И все-таки, зачем утащили мою работу? Из вредности? Ну, что плохого я им сделала? Даже общаться со мной не хотят. А я, идиотка, еще на выставку ходила, хотела вернуть что-нибудь умное. И про театр не вернула. Они просто меня не замечают, смотрят, как на пустое место». Слезы капали прямо на стол. «Нет, надо с этим что-то делать. Пожалуй, прочитаю Карнеги, может, что-нибудь почерпну полезное».

– Могу я видеть Игоря Моисеевича? – Передо мной стоял молодой человек, в светлых брюках и футболке. В одной

руке он держал папку с документами, в другой ключи от машины.

– Шеф уехал в типографию, – всхлипнула я и громко высморкалась. – А вы, наверное, водитель от Петровского, да? Оставляйте документы у меня. У нас сегодня секретарша отпросилась, я временно ее замещаю, а вообще я работаю в отделе дизайна и рекламы. Я дизайнер, – все это я выпалила одним духом, не зная зачем, почему-то захотелось его задержать. Он так смотрел на меня проникновенно.

– А ты Петровского возишь? Да? – спросила я. Посетитель замялся.

– Он хороший мужик? – продолжала я, не давая ему ответить, заключила – Наверное, хороший. –

– Почему ты так решила? – он выглядел немного растерянным.

– Обычно водители в костюмах парятся, несмотря на жару, а ты в футболке, – объяснила я

– Однако, какая проницательность, – и с восхищением посмотрел на меня и, кажется, не торопился уйти.

– Хочешь кофе? – Он согласно кивнул, а я понеслась в комнату отдыха. – У нас новая кофеварка, меня просили ее не трогать, но я прекрасно умею с ней обращаться, правда, правда. – Все это я тараторила из комнаты отдыха, где стояла новая кофеварка.

– А как тебя зовут? – Я высунула голову в приемную.

– Александр, а тебя? -

– Светлана, некоторые зовут Лана, а некоторые Птичка, потому что фамилия моя Птичкина. Ой! Закипает! – Я бросилась к кофеварке. «А парень очень симпатичный. Выберу ему самую красивую чашку». Украдкой посмотрела на него в приоткрытую дверь. Немного выше среднего роста, темноволосый, кареглазый, очень приятная улыбка, просто обаяшка. Держится немного скованно, но солидно, не шпана какая-то, правда, водитель, зато не выпендривается. Саша сидел за журнальным столиком. Я поставила перед ним чашку с кофе и уселась напротив. – Очень вкусно, – похвалил он, делая глоток. Мне хотелось предложить что-то к кофе.

– К сожалению, угостить больше нечем. У меня в столе сушки остались, но идти за ними в отдел не хочу. Обстановка там не очень.

– Ты из-за обстановки плакала? – он внимательно смотрел на меня.

– Да. Знаешь, как обидно. Нам поручили сделать логотип для вашего банка, я так старалась, а у меня его украли и еще все рисунки из стола сперли. Представляешь? – Я опять шмыгнула носом. – И, вообще, мне поручают самую примитивную работу, совершенно не дают творить. – Слезы от обиды навернулись на глаза.

– Не плачь, Птичка. Они тебе просто завидуют.

– Думаешь? – недоверчиво всхлипнула я.

– Конечно, – уверенно сказал он – Я, когда тебя увидел, просто дар речи потерял. Слезы мои быстро высохли. От

этих слов я прямо расцвела. Наташка бы обязательно

– добавила «как ромашка на помойке». Это был комплимент, и он мне понравился. Любой девушке нравятся комплименты.

– У тебя обед во сколько? – Неожиданно спросил Саша.

– С часу до двух.

– Ну и отлично – Он посмотрел на часы. – Сейчас уже половина первого, кофе был как бы аперитив, а пообедаем мы в ресторане. Согласна? – «Еще бы я была не согласна».

– Конечно, – я быстро поморгала, чтобы глаза высохли, надо же их подкрасить. Придется в отдел идти за косметичкой. «Здорово он ввернул про аперитив. Пожалуй, тоже где-нибудь вверну»

– Светлана! – я вздрогнула от неожиданности. – Почему в приемной посторонние? – Марго неодобрительно смотрела на Сашу, вдруг принялась и, резко отвернувшись от него, стала мне выговаривать.

– Я же просила не трогать кофеварку.

– Это я попросил – вежливо сказал Саша

Марго обернулась и спросила –

– А вы, собственно, кто? – Он слегка замешался. –

– Я водитель, из банка.

– А, – протянула Марго и, наклонившись ко мне, сказала громким шепотом – Я же просила не угощать разных водителей, – и громко добавила – Давайте текст к проспекту «Мир Кухни», надеюсь, хоть его-то вы сделали. Марина несколько

раз спрашивала, вы же всех задерживаете.

– У меня давно все готово, – возразила я, чувствуя, что слезы снова возвращаются. Какая она все-таки стерва. Нашла время выговаривать, вот именно сейчас ей приспичило, чтоб ей ни пуха, ни пера.

– А вы, молодой человек, не отвлекайте девушку от работы. Отдали документы и уходите, вас, наверное, на работе ждут. До свидания. – Она открыла дверь и обернулась ко мне. – А это что за «Шварцнегер» около охранника стоит? –

– Понятия не имею

– Это со мной. – Саша быстро поднялся, и, бесцеремонно отодвинув Маргариту, вышел в холл. Она возмущенно подняла плечи. – Ну, знаете, это... – И, не договорив, проплыла мимо. Я занервничала. Вдруг она сейчас наговорит Саше гадостей, он обидится, уйдет и накроется мой обед в ресторане. Но через несколько минут Саша заглянул со словами

– Уже час. Я подожду на улице. Хорошо? – Кивнув головой, я лихорадочно стала собираться. Быстро слетала в отдел за сумкой. Там, на мое счастье, никого не было – все ушли обедать. Я подкрасила ресницы, несколько раз провела щеткой по волосам. Последний взгляд в зеркало – хороша! Выбежав на улицу, увидела у входа парня, маявшегoся в костюме в такую жару. Видимо, про него Маргарита сказала – «Шварцнегер». Ого! Какой колоритный, бицепсы прямо выпирают наружу, видно даже через пиджак. Он хмурo проводил меня взглядом. Однако странный тип. Саша ждал

у машины и открыл мне дверь. Ни фиги себе, какие у меня теперь кавалеры. Как назло, на крыльце никто не курил и, значит, не видел, с какой помпой я сажусь в машину.

– А этот, в костюме, с тобой? – показала я на колоритную фигуру хмурого парня.

– Это телохранитель Петровского

– Да? – я вытаращила глаза. – А зачем он с тобой таскается?

– Охраняет документы.

– Вот как, – удивилась я, – они, что, такие важные? Ой! А я их на столе оставила. Наверное, спрятать надо было? – испуганно смотрела на него, ожидая, что сейчас он развернется и повезет меня обратно прятать документы.

– Не беспокойся, Юра там остался, он проследит, – Саша вырулил на Бульварное кольцо.

– Куда поедем?

– Давай в «Елки-Палки». Там монгольская кухня, и говорят, недорого. Ты здесь был? –

– Нет. Я вообще плохо Москву знаю. Я сам из Питера, здесь второй месяц живу.

– Тебе повезло, сразу на работу устроился, да еще в банк. Там ведь хорошо платят. А в Питере ты кем работал?

– По-моему, мы приехали, – не ответив на вопрос, заметил Саша. – Здесь можно поставить машину, не знаешь?

– Можно, можно, – закивала я, – если местечко найдешь. –

– У тебя права есть? – спросил он, впихивая машину меж-

ду двух других, стоящих одна за другой.

– По-моему, они не выедут – ты им совсем места не оставил. – Саша только плечами пожал.

– Знаешь, мне кажется, что этот знак запрещает стоянку. Я недавно курсы окончила, и знаки еще не забыла, только на вождении инструктор нервный попался. Надо было дать назад и проехать между двух столбиков, а я немного замешкалась, а он как заорет, я, естественно дернулась, сначала снесла левый столбик, потом правый, а потом просто не стала слушать его вопли и вышла из машины.... Но права у меня есть. Один мамин знакомый помог получить. Так что права есть, машины не предвидится.

– Как здесь здорово! – Восхитилась я, войдя в кафе. – Только народу полно, можем не успеть за час. – Мы встали в очередь. Солидная тетка, стоящая впереди, положила себе на тарелку так много разных салатов, что они с трудом помещались там, а она все продолжала набирать и приминать.

– Взяла бы еще тарелку, не ей же посуду мыть, – высказалась я.

– Это ресторан «одной тарелки», – стал объяснять Саша, ты платишь только за одну тарелку, положив в нее столько, сколько поместиться. –

– Да? – Удивилась я, посмотрев на кучку салата, скромно лежавшую у меня на тарелке, и тут же с азартом стала класть все подряд, утрамбовывая ложкой. Саша с улыбкой наблюдал за моими действиями, а потом тоже стал утрамбовывать.

Все сырые продукты: мясо, рыбу, курицу, грибы, повар ки-
нул на плиту и, как фокусник, несколько раз ловко перевер-
нул и полусырое шмякнул на другую тарелку. Перспектива
есть непрожаренные продукты меня не прельщала, и я по-
просила его повторить фокус на бис. Он неодобрительно по-
смотрел и молча повторил. Мы направились к кассе, и тут
я увидела у кого-то дымящиеся чебуреки. Взглянув, где их
подают, попросила Сашу занять место, а сама направилась
за чебуреками. Когда я к нему присоединилась, он заметил

– По-моему, ты прошла мимо кассы. Ты заплатила только
за чебуреки, а за тарелку нет.

– Пока я буду бегать, все остынет. Потом заплачу, – воз-
разила я, вонзаясь зубами в чебурек. Горячий, сочный, в ме-
ру острый, просто бесподобный. Я закатила глаза, изобразив
кайф. Саша засмеялся. Вдруг, случайно бросив взгляд на со-
седний столик, я встретила глазами с мужчиной. Так себе
мужичок, довольно задрипанный, в общем обыкновенный,
но взгляд неприятный. Он сразу опустил глаза в тарелку, а
мне показалось, что я его где-то видела. В метро, что ли, или
в маршрутке? Вспомнила! Около дома. Я его еще слегка за-
дела, потому что хотела вернуться за зонтом, резко поверну-
лась, наткнулась на него, и раздумала возвращаться. И так
опаздывала.

– Что случилось? – встревожился Саша – Ты кого-то из
знакомых увидела?

– Да так, чепуха, – отмахнулась я. Надо же мир тесен. Так,

попробую, что у меня на тарелке. Мясо как подошва, курица была съедобна, а рыбу уже не осилила. Посмотрев на Сашину тарелку, увидела то же самое. Половина осталась нетронутой.

– Мы с тобой две жадины, – засмеялся он и поднялся, чтобы заплатить за мою тарелку, но, увидев очередь, махнул рукой.

– Ладно, пойдем. – Я не стала настаивать, поискала глазами того мужика, но его уже не было, наверное, ушел. Ну и черт с ним!

Подойдя к машине чуть не застонала – какая же я балда! Надо же было похвалить его машину. Все мужики обожают свои автомобили, носятся с ними, как с писаными торбами. Раньше считалось, что путь к сердцу мужчины лежит через его желудок, но теперь туда можно пробраться через его машину. По-моему, они все помешаны на них. Если в компании есть хотя бы два автомобилиста, разговор обязательно будет о машинах. Учитывая все это, я стала громко восхищаться. Машина действительно была красивая, большая, серебристая, кожаный салон. Я заливалась соловьем, хотя в автомобилях ничего не смыслю и вдруг вспомнила, что машина-то не его, а шефа, и ему неприятно слушать мои хвалебные оды. Но, странное дело, он весь сиял. Ну и глупо! Чего радоваться, ведь не его же. На всякий случай я сказала, что вообще мне все равно на какой машине ездить, лишь бы не ломалась. Саша ничего не сказал в ответ. Пора бы ему

и телефончик мой спросить. Что же мне самой предлагать? Прямо вся изнервничалась, уже к «Аргусу» подъехали, а он все молчит.

– Света, ты дашь мне свой телефон? – наконец разродился он.

– Конечно, – быстро ответила я, сразу пожалев о своей поспешности.

Чего я торопилась, надо было сделать глубокомысленную паузу. Саша записал номера всех моих телефонов и, сказав «Я вечером позвоню», открыл мне дверцу. Шварцнегер хмуро буркнул – До свидания, – подошел к машине и сел на водительское место. Саша махнул мне рукой. Я поднялась по ступенькам, вошла в холл и, не удержавшись, обернулась. Серебристая машина плавно проплыла мимо.

Размечтавшись, я смотрела ей вслед, и тут... Это что? У меня глюки? Опять тот дядька из кафе. Теперь-то я его хорошо разглядела. Светло-русые волосы, какого цвета глаза отсюда не видно, скорее всего, светлые. Обычное лицо славянского типа. Одет в серые брюки и голубую рубашку с короткими рукавами, обыкновенный мужик, лет 40, ничего примечательного. Но почему он мне встречается сегодня уже третий раз? Позади послышался смех – это Катя с Люсенькой улизнули от строгого начальника, и вышли покурить.

– Кто это тебя подвозил? Мы с Люсенькой в окно видели. Тачка шикарная.

– Да так, знакомый один, – с пренебрежением ответила я,

втайне очень польщенная. Хотите анекдот про карлика? – И я стала рассказывать анекдоты один за другим. Они просто сыпались из меня, как из рога изобилия. Люсенька вспомнила про Вовочку, а Катя про чукчу. Мы так ржали, что не заметили, как подошел Георгий Александрович. Но, странное дело, он улыбался и вполне доброжелательно посоветовал вспомнить о работе. Настроение было прекрасное, даже вспомнив про украденный логотип, не очень-то и расстроилась. Ничего страшного, можно другой сделать, рисунки, правда, жалко, но не буду о грустном.

Я сидела в приемной и думала, как удачно все получилось. Сижу одна, как королева, могу кофе пить, сколько хочу, жаль, что я не люблю его. Познакомилась с отличным парнем, сходила в «Елки-Палки», могу трепаться по телефону. О! Надо мамульке позвонить, она наверняка обиделась. Долго говорить она не сможет, на работе все-таки, хотя, смотря о чем.

– Лана! Неужели так трудно было позвонить? – начала выговаривать мамуля. – И потом тебя опять не было дома. Где ты была? Опять у Ларисы?

– Угу.

– Ну что это за времяпровождение? Что вы, как старые бабки, все время в квартире сидите? Сходили бы куда-нибудь, на выставку, например, или в театр.

– Я как раз хотела тебе сказать, что ходила в театр и была на выставке.

– Да? – Удивилась она. – Ну, тогда сходили бы в парк или в кино.

– Мамуль, мы не могли выйти из дома.

– Почему? –

– Понимаешь, мы очищались. – И стала рассказывать про наши мученья. Я думала, что она станет жалеть меня, но мамуля прореагировала иначе.

– Быстренько скажи мне еще раз, что нужно выпить, и какие маски вы делали, я все запишу. У меня завтра свободный день, поеду на дачу к Люсе, она днем одна, и мы отлично проведем время. – Насчет отлично проведенного времени я очень сомневалась, тем более что там один туалет на улице, но разубедить ее не стала, все равно бесполезно. Только спросила

– Надеюсь, ты одна поедешь, без Раймондо?

– Конечно, поеду одна на электричке. Кстати, вам нужно познакомиться. Может, заедешь как-нибудь вечером?

– Хорошо, как-нибудь заеду, – пообещала я и повесила трубку. Да, не завидую мамуле, если она проделает все это с Люсей. Хотя вряд ли ее сестра клюнет на это, но в любом случае крику будет много.

Игорь Моисеевич приехал в офис только к вечеру, взял у меня документы, оставленные Сашей, и сказал, что завтра сам поедет в банк к Петровскому с нашими рисунками. И еще он попросил меня посидеть в приемной до конца недели.

Я с радостью согласилась. И тут вспомнила, что ничего не выяснила про Вадима.

– Игорь Моисеевич, – обратилась к нему, войдя в кабинет. – Можно я у вас кое-что спрошу? -

– Давай, спрашивай, – и показал мне на кресло.

– Помните, к вам важный чиновник приезжал, я его еще разговором развлекала? – Он засмеялся

– Которого ты Аляской поразила? Не смущайся, – увидев, что я покраснела, – ты ему очень понравилась.

– А где он работает?

– В Государственной Думе.

– Да? А кем?

– Он депутат. Поняла? – Я кивнула.

– По-моему – продолжал Игорь Моисеевич, – он скользкий тип. Не вздумай с ним роман крутить, а то мне Миша голову оторвет. – Я фыркнула, представив, как мой маленький папа подпрыгивает, чтобы оторвать голову высокому Игорю Моисеевичу. Кажется, что-то надо было еще уточнить. О! Вспомнила!

– А он женат?

– Когда-то был, теперь – не знаю. Ты, что, с ним встречалась? – Пристальный взгляд меня несколько смутил и сразу захотелось ему все рассказать, но что-то удерживало, нет, пожалуй, повременю.

– Да так, случайно. Но я учту то, что вы сказали. – В это время зашел Георгий Александрович, и они прошли в каби-

нет. А через минуту вкусно запахло вишней, вероятно, закурили свои хитрые сигареты.

Домой я пришла, как никогда, рано, даже не стала трепаться с Петькой, который ремонтировал свою ржавую тарантайку во дворе. Только, придя домой, вспомнила, что не зашла в магазин, а в холодильнике, как всегда, пусто. Ничего, сейчас позвонит Саша, мы договоримся встретиться, может, прямо сегодня и куда-нибудь зайдем перекусить. Не переодеваясь, забралась с ногами в кресло и поставила телефон на журнальный столик перед собой, а рядом положила мобильный. Посидев так некоторое время, гипнотизируя взглядом телефоны, задумалась. Что значит, вечером позвоню? Надо было уточнить, во сколько. Теперь вот сиди и жди. Звонок! Я вздрогнула, схватила трубку и нежно пропела – Алло!

– Пойдем в лес погуляем? – предложила Наташка, что-то жуя.

– Не могу, я звонка жду. Сегодня с одним парнем познакомилась, обещал позвонить.

– Ничего себе! Познакомилась и молчишь! – Возмутилась она.

– Когда я могла рассказать? Прибежала домой и сижу жду звонка, даже не ела ничего. – Все поняла, сейчас приду, – и бросила трубку. Через десять минут она была у меня с котлетами, помидорами, хлебом и сдобными булочками.

– Куда так много?

– А я свой ужин к тебе перенесла. Сейчас и Лариска придет. Она приготовила что-то из баклажан, принесет попробовать. – Наташка стала ловко накрывать на стол, а я все продолжала пялиться на телефон.

– Вот пришла такая Лариса – она, как всегда, прокомментировала свой приход. – Пробуйте, это закуска из баклажан. – Она поставила на стол внушительную салатницу.

– Если закуска, значит должна быть и выпивка, – сделала логический вывод Наташка. Звонок! –Шшш- зашикала я. Девчонки притихли. – Алло! – опять нежно пропела я.

– Птичка, это Петр. Наташка у тебя?

– У меня. – Прощешила я сквозь зубы. – Это Петручио. – Наташка взяла трубку и ушла с ней в комнату.

– Не нервничай, лучше поешь. – Лариска пододвинула мне тарелку с солидной горкой своей закуски. Потом полезла в пакет и извлекла бутылку вина. Помучившись со штопором, открыли бутылку и разлили вино по бокалам. Из комнаты послышался приглушенный Наташкин смех.

– И вообще, хватит занимать мой телефон! – Рывкнула я.

– Ты, что, Свет, я всего две минутки. – Наташка села за стол, попробовала баклажаны и закатила глаза. – За что пьем? – Деловито осведомилась она и подняла бокал.

– Как всегда, за дружбу и любовь.

Мы выпили. Ларискина закуска оказалась очень вкусной и прошла на «Ура».

– Свет, ты только не злись, но Петька еще раз позвонит.

А теперь, может, расскажешь, с кем познакомилась?

Я стала излагать все с подробностями и так увлеклась, что забыла про телефон. Когда он зазвонил, я, уверенная, что это Петька, разозлилась. Прервал на самом интересном месте. – Ну, чего тебе? – очень нелюбезно буркнула я, и сразу поняла, что ошиблась. Это не Петька. Это Саша.

– Я, видимо, не вовремя?

– Нет, нет в самый раз – поспешно заверила его я.

– Может быть, встретимся завтра? – нерешительно спросил он.

– Хорошо, давай завтра

– Тогда я позвоню тебе на работу и уточню время. Договорились?

– Хорошо, буду ждать звонка. – Я положила трубку и замурилась. Ура! Он позвонил, и мы завтра встретимся.

– Зачем ты сразу согласилась? Надо было помуржить его немного – наставляла Лариска, неторопливо жуя свою закуску. Ей кто-то сказал, что если медленно жевать, много не съешь. Но я не слушала – внутри все пело.

– Отстань от нее – вступилась Наташка. – Видишь, человеку хорошо.

– Да, мне очень хорошо. Давайте по этому поводу выпьем. – Мы выпили, потом позвонил Петька, Наташка с ним о чем-то шушукалась и сразу засобиравшись домой, туманно объяснив, что ей пора гулять с Дейлом.

– – Да брось, ты, оторвись. Ты сегодня такая хорошень-

кая. – Я закрыла за Наташкой дверь и вернулась на кухню.

– Смешная, ей богу, чего скрывает? – пожала плечами Лариска. Мы еще немного поболтали и разошлись. Телефон меня больше не интересовал. Стоя под душем, я слышала, как он разрывается, но вылезать не стала. Лежа в постели, представляла себе, как мы завтра встретимся. Интересно, поцелует он меня завтра или нет. Вот в чем вопрос.

На следующий день я опять сидела в приемной. Телефон разрывался. Бедная Ольга Дмитриевна! Как она здесь сидит? А я-то, дура, ей завидовала. Еще и посетители без конца. Одна Марго раз двадцать заходила. А Андрей просто достал. – Птичка, расскажи новый анекдот.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.